

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ
РОЖДЕННЫЕ ПОЛЗАТЬ

ОТ ДМИТРИЯ



FUTURE CORP.

ПЯТИДЕСЯТАЯ КНИГА СЕРИИ



FUTURE CORP.

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

Метро

Виктор Лебедев

Метро 2033: Рожденные ползать

«Издательство АСТ»

2014

Лебедев В. Р.

Метро 2033: Рожденные ползать / В. Р. Лебедев — «Издательство АСТ», 2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-086347-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Вот уже 20 лет минуло со дня Великой Катастрофы. За это время выросло целое поколение москвичей, для которых туннельный сумрак милее солнечного света, а бетонные своды над головой – роднее и понятнее небесной выси. Той выси, которая, казалось бы, потеряна для человечества навсегда. Но кто сказал, что рожденные ползать не могут летать? Особенно когда смутная, недостижимая мечта о небе внезапно обретает возможность воплощения...

ISBN 978-5-17-086347-1

© Лебедев В. Р., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Пятьдесят, как один	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Лебедев

Метро 2033. Рожденные ползать

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д.А. Глуховский, 2014

© В.Р. Лебедев, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пятьдесят, как один

Докладная записка Вячеслава Бакулина

Здравствуйте, дорогие читатели! В кои-то веки я ничуть не задумывался над темой своей докладной записки. В кои-то веки я хочу говорить не о вечных человеческих проблемах и даже не об особенностях книги Виктора Лебедева (надеюсь, он меня простит). Сегодня хочу просто оглянуться, а заодно напомнить вам, как это было. Итак, Hall of Glory «Вселенной».

№ 1. **«Путевые знаки»**. К книге Владимира Березина можно относиться по-разному. Это совершенно не важно. Она была первой. С нее начался проект.

№ 2. **«Темные туннели»**. Сергей Антонов – не только самый плодовитый на сей день творец «Вселенной». Он первый, кто написал о «том самом метро Глуховского». После этой книги стало окончательно ясно даже завзятым скептикам: серии – быть!

№ 3. **«Питер»**. Тут можно просто написать: «Убер. Батончики». Сколько лет прошло, а читатели не только в России, но и за рубежом, затаив дыхание, ждут от Шимуна Врочека продолжения. И я тоже.

№ 4. **«К свету»**. С этой книги началось триумфальное восхождение Андрея Дьякова. Самый яркий дебют. «Золотой дубль» Лучшей Книги Вселенной. А может, и хет-трик, кто знает?

№ 6. **«Мраморный рай»**. Роман, который показал, что «Метро» – это не только и не столько «крутые сталкеры тра-та-та». А Сергей Кузнецов, «Глас Вселенной», дал путевку в жизнь целой плеяде будущих авторов проекта.

№ 7. **«Странник»**. Явление «городу и миру» Сурена Цормудяна, великого и ужасного. Ныне – вполне успешного творца собственных миров. Но начинал он здесь. В этих туннелях.

№ 8. **«Север»**. Метро без метро – это возможно? «Да», – уверенно ответил Андрей Буторин. Именно с этого момента можно говорить о мире, не зажатом в бетонные тубинги. О Вселенной.

№ 10. **«Война кротов»**. Благодаря Александру Шакилову и его роману проект перешагнул границы России.

№ 11. **«Муранча»**. Это слово – синоним страха. Руслан Мельников и его хоррор, раздвигающие границы серии.

№ 15. **«Станция-призрак»**. Анна Калинкина, Первая Леди Вселенной. Человек, доказавший на своем примере, что женщина действительно ни в чем не уступит мужчинам.

№ 18. **«Британия»**. Грант Макмастер. Первый зарубежный автор, прибавивший к титулам проекта «ВМ-33» слово «международный».

№ 21. **«Последнее убежище»**. И первый сборник в рамках «Вселенной». Первый, но не последний.

№ 29. **«Изнанка мира»**. Тимофей Калашников – 4,75 авторов, включая автора эпиграфов и затылок вашего покорного слуги. И монолитный, яркий, запоминающийся текст.

№ 31. **«Свидетель»**. Ирина Баранова и Константин Бенев пополняют серию первым полноценным детективом.

№ 50. **«Рожденные ползать»**. Порядковый номер роман Виктора Лебедева говорит сам за себя. Путешествие продолжается.

А какую строчку сможете вписать в этот перечень вы?

Пролог

Ветер гонял по мостовой опавшие кленовые листья, поглаживал буйную поросль травы, пробивавшуюся сквозь растрескавшийся асфальт, облизывал заржавевшие остовы автомобилей, хлопал чудом уцелевшей оконной рамой в доме – или в том, что от него осталось. Он носился, словно стайка детворы во дворе после школы – беззаботно и неугомонно, то стихая, то усиливаясь, постанывая в гордом одиночестве в мире, который уже начал забывать уверенную поступь человека. Тем удивительнее была следующая картина: напротив дома с хлопающей рамой стоял мужчина. Его одежда выглядела причудливо для зараженной поверхности, где минутное пребывание без средств защиты от радиации было смертельно опасным. Незнакомец держал в руке потертую фотографию, взгляд его был обращен в небо, а с его уст, словно едва заметный шорох, слетали слова. Кому предназначались они в этом пустом мире, оставалось загадкой.

– Прошу... спаси и сохрани его... прошу тебя...

Незнакомец был одет в потрепанный костюм неопределенного цвета с прорезами и заплатками, лицо закрывали треснувшие солнечные очки – глаза уже давно отвыкли от дневного света.

Что он забыл здесь, посреди погоста, бывшего некогда оживленным городом с бесчисленными пробками и толпами прохожих? Вряд ли нашелся бы ответ у случайного путника, увидевшего эту картину. Да и в нынешнее время путники лишь изредка решались выходить на поверхность, при этом вооруженные до зубов и в спецодежде, ведь мир больше не принадлежал человеку. Однако незнакомец не обращал внимания на окружающую его действительность, как будто для него ее не существовало. Со стороны могло показаться, что он – иллюзия, обман воображения. Или иллюзия – окружающий его мир.

Внезапно человек пошевелился. Огромная овальная тень накрыла его на мгновение и побежала дальше по покрытому трещинами асфальту, бетонным коробкам домов и заброшенным скверам, причудливо изгибаясь в неровностях местности. Уголки губ человека дрогнули, казалось, он слегка улыбнулся, словно этого и ждал. Рассекая небо, над его головой величественно проплыла вытянутая машина, серебряной стрелой скользнула по воздуху, взяв курс на юг. Это был дирижабль. И неровным почерком, заваливающимися буквами на его корпусе было выведено одно-единственное слово – «Надежда». Именно она сейчас вела сердца людей, находящихся на борту корабля, в далекие дали, именно она руководила горсткой выживших, вглядывающихся в заново открываемые земли за горизонтом, именно она теплилась в душе одинокого мужчины, провожающего взглядом дирижабль, гордо развернувшийся в небе. Человек снова становился первооткрывателем, пытался вернуть себе свой мир. Человек пытался собрать воедино тех, кто смог выжить на поверхности или под землей, покрытой язвами и ранами от его рук. И с губ мужчины, стоявшего на пустынной улице, слетело:

– Господь с вами.

Слова незнакомца подхватил ветер и понес по улице, заглядывая в пустые глазницы оконных проемов, поднимая в воздух полуистлевшие обрывки газет и тряпья, кружа их в вихре и снова отпуская...

На мостовой напротив дома, столь родного в той, прежней, теперь такой далекой жизни, стоял человек. В руке он держал потрепанную фотографию, на которой застыла счастливая и умиротворенная картина из прошлого – мужчина со спины и мило улыбающаяся женщина вполоборота. По щекам незнакомца бежали слезы.

Глава 1

Небо

Миша лежал на спине, широко раскинув руки и ноги, на его лице сияла улыбка. Он уже и не помнил, зачем он здесь, о своей миссии, о друзьях и знакомых тут, недалеко, под землей, не помнил о Кольке и Игоре Владимировиче. Забыл он и об опасностях, окружающих его со всех сторон и принуждающих Номо Sapiens, властвовавшего тысячи лет над миром и разрушившего этот самый мир, возводимый руками многих поколений, теперь прятаться под землей, зарывшись, словно крот, огородившись бетонными стенами и конструкциями, давно уже ставшими для людей новым Ноевым Ковчегом. Миша не замечал ни шорохов, которые становились все настойчивее, ни приклада автомата, врезающегося ему в бок, ни пугающей черноты справа – массы сплетенных деревьев и растений, живших собственной жизнью и будто почувывших появление странника, чужака, а оттого зашевелившихся в бурном порыве, постанывающих и словно тянущих к нему свои руки и щупальца-ветки. А может, это просто ветер шевелил причудливые сплетения лиан и ветвей, но, тем не менее, любой благоразумный путник, случайно оказавшийся рядом, счел бы за лучшее убраться подальше отсюда, чтобы не испытывать судьбу, и так не особо жаловавшую человеческий род последние несколько десятилетий. Поговаривали, что здесь, на месте бывшего Царицынского парка, обитают невиданные монстры и мутанты, встреча с которыми не сулит ничего хорошего.

В пяти метрах от Миши возвышался полуразрушенный павильон станции Орехово с искрошившимися ступенями и полуобвалившимися стенами, обросшими травой и мхом. Ему стоило немалых усилий протиснуться между двумя огромными обломками, загородившими выход из метро – видимо, часть крыши обвалилась во время Катаклизма или вследствие запустения, воцарившегося в окружающем мире. В тот момент, когда Миша выбрался на поверхность, им овладела неведомая слабость, мир наверху, за пределами его станции, оказался огромен, необъятен. Он навалился на Мишу всем весом, сбил его с ног и швырнул на землю. Стало невыносимо трудно дышать, и парень сорвал респиратор, забыв о радиоактивной пыли, вдыхая полной грудью прохладный ночной отравляющий воздух.

И вот тогда Миша увидел. Это было самое потрясающее зрелище в его еще не очень продолжительной жизни. Небо искрилось сотнями, тысячами маленьких точек всюду, насколько хватало глаз. Миша так и остался лежать, не в силах подняться, рассматривая огромный небосвод с мутной луной и яркими звездами. Ему вспомнились слова из книги, которые ранее он не мог понять, поскольку не представлял себе, что такое ночное небо:

*Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.¹*

Его жизнь с опасностями, постоянно подстерегающими на поверхности, в боковых ответвлениях туннелей и лишь немного отступающими в темноту при свете костров, уже не казалась ему такой безысходной. Все тревоги и проблемы ушли на второй план, позволив сказочному видению овладеть сознанием Миши, унести его в неведомые дали. Это было то самое небо, которое воспевали поэты прошлого мира, где хватало времени вдоволь насладиться окружающей нас Вселенной, мира, где не надо было с тревогой вглядываться во мрак туннелей,

¹ Ф. И. Тютчев. «Как океан объемлет шар земной...»

а оказавшись на поверхности – с опасением изучать темноту улиц и переулков, прежде чем сделать еще один шаг на пути в неизвестность.

Состояние Миши можно было бы назвать нирваной, но вряд ли он понимал значение этого слова. Как не понимали его и стервятники парка Царицыно, учуявшие запах легкой добычи – тут и там в черноте разросшегося от радиации леса вспыхивали красные огоньки глаз и урчание становилось все громче. Мишу спас случай – крылатая тень с легким шуршанием пронеслась невысоко над ним, на мгновение закрыв своим телом сияние мириад звезд и желтый круг луны. Но этого мгновения хватило, чтобы морок на некоторое время отступил, и Миша очнулся. Сознание прояснилось, и он вспомнил, зачем выбрался на поверхность, и даже успел заметить краем глаза справа от себя чудовищное создание Царицынского парка. И в этот момент тварь прыгнула.

* * *

Миша хорошо помнил свою маму. Помнил ее улыбку и грустные глаза, как она гладила его волосы и шептала слова колыбельной, когда он, маленький пятилетний мальчик, пытался заснуть на дырявом стареньком одеяле в палатке из двух скрепленных кое-как покрывал, среди таких же убогих палаток на платформе станции Орехово. Но сон все никак не приходил. Здесь всегда было темно, костры находились в отдалении от жилья тех немногих людей, что были на станции, в полном соответствии с условиями пожарной безопасности. В перегонах и туннелях дозорные и немногочисленные блокпосты также жгли костры, поскольку это был единственный источник освещения на бедной станции.

Невдалеке кто-то, видимо, дозорный в туннеле, негромко выводил диковинные и непонятные для Миши слова песни про бескрайнее поле, темную ночь и одинокого мужчину, шагавшего с конем.

А Миша пытался представить, кто такой конь и как это – бескрайнее, ведь у всего, что он знал в жизни, были границы, края – туннели и станция были ограничены стенами и потолком, а ничего другого мальчик в своей жизни еще не видел. Мише думалось, что конь – это такое странное человеческое имя, будто два друга вышли прогуляться в широкий-широкий туннель, так что нельзя увидеть стен (но они обязательно где-то там есть) ночью. Вот еще одно странное слово для пятилетнего мальчика, родившегося под землей, – ночь. Он слышал от взрослых людей, что там, откуда они пришли, были день и ночь. Днем было светло, а ночью темно. «Наверное, – думал Миша, – люди днем разжигали огромные костры, которые освещали все вокруг, а ночью их тушили».

Дозорный грустно продолжал напевать дальше про то, что он сел на коня верхом и мчится по полю под сияющими звездами навстречу своей судьбе.

Они с мальчишками на станции тоже так делали – запрыгивали друг другу на спины и пытались столкнуть других; побеждал тот, кто дольше продержится, не упав со спины. Вот и тот человек, который сейчас напевает песню, тоже так делал. Может быть, это песня из его детства.

А мама все шептала слова колыбельной, тихо-тихо, склонившись над ухом Миши, а ее пальцы перебирали волосы мальчика. И сон, сначала несмело, как бы извиняясь, подкрадывался, заставляя забыть пусть ненадолго, на время, о страхе дозорного перед чернотой и неизвестностью туннеля, который он пытался победить песней из своего прошлого, о затхлых туннельных сквозняках.

Мише снилось удивительное создание, может быть, это была высшая форма жизни. Высокое, четвероногое существо с гордо поднятой головой, развевающимся хвостом и мускулистым телом несло по огромному туннелю, стены и потолок которого невозможно было разглядеть – настолько высоким и широким он был. А на нем сидел мальчик, который обнимал животное

двумя руками и звонко смеялся, когда волосы, растущие на шее у странного создания, щеко-тали ему лицо. Неожиданно мальчик обернулся, сверкнули голубые глаза, и Миша с удивле-нием узнал в нем самого себя. Словно какая-то истина вдруг на миг приотворила дверь, Миша только начал что-то понимать, но тут же мальчик ткнул пятками в бока животному, и они понеслись вперед так быстро, что очень скоро превратились в маленькую точку вдали, а дверь захлопнулась перед самым носом Миши. Истина где-то рядом. А на влажной земле остались полукруглые следы, уходящие далеко вперед...

* * *

В новом мире, где жил Миша, не было места для книг. Они на станции Орехово никому не были нужны. Они не представляли никакой ценности для суровых, бледных обитателей богом забытой станции Замоскворецкой линии. Разве что кое-какая техническая литература могла понадобиться, да и то большинство приведенных в ней сведений было бесполезным, поскольку у человека в метро имелся минимум инструментов и материалов, чтобы создать какой-то сложный механизм в помощь людям. Да еще медицинская литература могла как-то помочь. В остальном же книги, а особенно художественные, воспринимались здесь, в темных, практически лишенных света подземельях, как нечто абсолютно лишнее, неуместное.

Поэтому Миша прятал от всех два томика стихотворений Тютчева и Пастернака, опасаясь, что их пустят на растопку. Эти две изрядно потертые книжки с замусоленными страни-цами были единственным, что осталось в память о Мишиной маме. Ему казалось, что они еще хранят тепло ее рук, и когда Миша брал книги, к горлу подкатывал ком, а в груди становилось больно. Мама в прошлой жизни была учительницей русского языка и литературы, школа нахо-дилась недалеко от станции Орехово, поэтому по сигналу тревоги она вместе с другими учите-лями и учениками спустилась в метро, ставшее неожиданно для всех, кто оказался на станции, вторым домом. От внешних опасностей защищали надежные гермозатворы, закрывшиеся спу-стя несколько минут после сигнала тревоги, отрезавшие тех, кто успел спуститься в метро, от их прежней жизни, от маленьких радостей и горестей, от солнечного света и проливного дождя, от друзей и близких. У кого-то остались на поверхности дети и внуки, у кого-то родители или друзья. Паника и истерия овладели станцией в первые дни после Катаклизма, и едва удава-лось останавливать попытки уцелевших открыть гермовороты изнутри и выбраться на поверх-ность. По разным причинам население станции за непродолжительное время сократилось до нескольких десятков человек, влачивших жалкое существование. Станция была неглубокого залегания, располагалась у самой поверхности, поэтому многие люди умерли в первые годы от лучевой болезни.

Миша родился здесь, в метро. Его мама была на третьем месяце беременности, когда спустилась вниз. Мальчик рос бледным и болезненным, его кожа не знала, что такое солнечный свет, и на белом лице поразительно ярко выделялись голубые глаза. Но шли годы, а молодой организм упорно цеплялся за жизнь, в то время как население станции быстро редело. Жители Орехово научились выращивать грибы и овощи в туннельных тупиках и ответвлениях, а на Домодедовской даже выращивали свиней. Как они туда попали, никто уже толком и не пом-нил. Нечастые вылазки на поверхность обеспечивали станцию дровами для костров, которые служили источником света.

Мама часто рассказывала Мише о папе. Он был врачом и работал не очень далеко от метро на Ореховом бульваре. Но после сигнала тревоги, изменившего жизнь людей до неузна-ваемости, он не успел добраться до заветного входа либо остался со своими пациентами, вер-ный врачебному долгу. Во всяком случае, мама не нашла его на соседних станциях – ни на Красногвардейской, ни на Домодедовской, ни на Алма-Атинской. С тех пор забота о малыше

стала единственным смыслом ее жизни в сумраке станции, лишь немного рассеивающемся при свете костров.

Мама всегда носила с собой фотокарточку, с которой смотрела на Мишу счастливая картинка прошлой жизни – высокий и худощавый мужчина обнимал за талию белокурую девушку с румянцем на щеках. Лица отца видно не было, он стоял спиной к фотографу, а вот мама застыла вполоборота и радостно улыбалась. Снимок сделали на фоне их дома, под табличкой: Шипиловский проезд, д. 41, а над дверью белой краской было выведено – подъезд 1. Счастливая молодая семейная пара из другого мира, чуждого и вместе с тем очень родного для маленького мальчика...

Мама пропала, когда Мише было семь лет. Поисковый отряд обнаружил только ее косынку у одного из входов в боковое ответвление, которое оказалось тупиком. Дозорные со станции Домодедовская уверяли, что мимо них никто не проходил, и бесплодные поиски, продолжавшиеся два дня, пришлось прекратить.

* * *

Заботу о Мише взял на себя Игорь Владимирович, сухонький седой старик лет семидесяти. Мальчик, рано оставшийся без родителей, остро нуждался в ком-то, кто сможет нарушить его одиночество, а старик, чьи дети не успели спуститься в метро и навсегда остались на поверхности, видел в Мише своего так и не родившегося внука. Игорь Владимирович рассказывал мальчику, что до Катаклизма он работал дежурным по эскалатору. Эс-ка-ла-тор. Мальчик как завороченный повторял за ним это слово, оно казалось ему таинственным, мистическим, словно неведомое заклинание, и его обязательно нужно было произносить шепотом.

Игорь Владимирович был в метро, на работе, нес свою вахту, огромные шестеренки приводили в движение ступени, люди спускались вниз и поднимались вверх, и был обычный день, ничем не примечательный, в череде таких же рабочих дней... когда откуда-то сверху, тягуче и протяжно донесся вой сирены, спустя несколько минут навсегда изменивший жизнь людей. Игоря Владимировича, пытавшегося предотвратить давку, образовавшуюся от хлынувшей вниз по эскалаторам толпы людей, успокоить беснующийся поток, подхватила и вынесла на платформу человеческая лавина. С тех пор старика часто мучили головные боли, а в ушах стояли крики и мольбы людей, оставшихся с той стороны гермоворот, отрезанных от спасительного убежища. И еще долго раздавались глухие стуки в створки металлоконструкций, постепенно становясь все реже и реже, пока снаружи не наступила тишина...

Игорь Владимирович рассказывал Мише о метро: о несущихся по туннелям сквозь толщу земли поездах с освещенными вагонами, полными людей, читающих, разговаривающих друг с другом, слушающих музыку или просто дремлющих; о станциях – Новослободской с изящными витражами из цветного стекла и подвесными люстрами, Маяковской с рифлеными колоннами и мозаичными панно, на которых изображено небо, о Площади Революции с бронзовыми фигурами в нишах арок и многих других; о том, как строили подземку. Затаив дыхание, мальчик слушал, впитывал каждое слово своего наставника, пытаясь представить себе бесчисленные туннели и снующих по ним механических монстров с маленькими людьми в их утробе.

– Ты только представь, Миша, все величие и мощь этого сооружения, – голос Игоря Владимировича становился то тише, то громче, видимо, от волнения, – ведь это настоящий подземный комплекс, словно римские катакомбы, в которых собирались первые христиане, чтобы создать цивилизацию, пришедшую на смену античному миру!

Миша не представлял, на что похожи римские катакомбы. Про древние империи, среди которых были Римская и Византийская, он знал из рассказов старика и ветхого учебника по

истории древнего мира, который был у Нины Ивановны, работавшей на ферме. Неужели уже в то время, время холодного оружия и античного искусства, человек строил метро?

– Знаешь, мальчик мой, – голос старика становился печальным, – по иронии судьбы московские катакомбы, соединенные туннелями, украшенные мрамором и гранитом, сталью и витражами, бронзовыми скульптурами и плиткой, теперь тоже стали колыбелью новой цивилизации, нового общества, строительство которого началось здесь, под землей.

* * *

Станция Орехово залегала на небольшой глубине, до поверхности – рукой подать, всего-то десяток-другой метров. Два ряда измазанных колонн, похожих на корни растений, упирались в потолок земляного цвета, между ними ютились палатки, в которых жили люди.

Путевые стены, некогда облицованные белым и серым мрамором, сейчас изрядно почернели от копоти факелов и местами потрескались. В центре потолка находился ряд углублений, похожих на купола, в которых когда-то располагались светильники. Сейчас эти темнеющие провалы угрожающе нависали над обитателями, будто грозя проглотить зазевавшихся.

Вдоль стен висели факелы, неравномерно освещая станцию, дозорные на южных блок-постах жгли костры. Северные туннели защищать не требовалось – они были перекрыты гермоворотами в связи с затоплением станции Царицыно из-за прорыва грунтовых вод. Да и в южных туннелях дозорные стояли больше для виду – дальше находилась дружественная станция Домодедовская.

В первые годы на станции работал резервный дизель-генератор, обеспечивая жителей необходимой электроэнергией, но со временем он порядком поизносился и пришел в негодность, а запчастей не было. Частично выручали соседи-домодедовцы, но одного генератора на две станции, естественно, не хватало. Водопровод, слава богу, работал пока исправно – и душевые, и санузлы были в порядке. Водоотливные и канализационные насосные установки, пусть и с перебоями, но пока тоже функционировали. За вентиляционными шахтами и фильтрами по очистке воздуха на станции внимательно следили, очищали от мусора и грязи, насколько это было возможно.

За станцией были расположены туннели, заканчивающиеся тупиками. Раньше они использовались для технического обслуживания и ночной стоянки поездов, теперь там при слабом свете лампочек выращивали грибы и картофель. Картошка вырастала мелкая – видимо, из-за не лучших условий и не слишком хорошего грунта – но урожай был обильный. На Орехово гордились тем, что сохранили хоть что-то от прежней жизни. Картошку меняли на свинину с Домодедовской. Так и жили.

* * *

Миша с Игорем Владимировичем шли по пустынному городу, огромному мегаполису, в котором когда-то бурлила жизнь, суетились прохожие, спешили по своим делам и на работу служащие, прогуливались парочки, сигналили в километровых пробках автомобили. Теперь город был мертв. Под ногами хрустывали осколки битого стекла, щебень. Сквозь трещины в асфальте проросла буйная растительность, разрушенные здания по сторонам дороги потрескались и были увиты плющом, стекла были выбиты, рамы местами прогнили и вывалились. Многочисленными глазницами пустых выщербленных окон взирал город на двух путников, осторожно пробирающихся по улице. Тут и там ржавели каркасы автомобилей, брошенных людьми в спешке и в страхе, в надежде укрыться от смертельной радиации. «Интересно получается, – подумал Миша, – те, у кого не было собственного автомобиля и кто ехал на метро –

спаслись, а имеющие достаточно денег и времени, чтобы позволить себе собственное средство передвижения, за редким исключением встретили свою смерть здесь, на поверхности».

– Что это за место? – спросил Миша у Игоря Владимировича. Парень уже и не помнил, как они очутились здесь и почему они не в костюмах химзащиты и респираторах?! Дышать было на удивление легко и приятно.

– А ты не узнаешь, Миша? – старик внимательно посмотрел на парня. – Это кладбище, огромное кладбище. Вся Земля стала кладбищем для человечества. Мы сами лишили себя всего того, над чем упорно трудились тысячелетиями; то, что было создано руками человека, ими же погублено. Человек – самый страшный зверь.

Игорь Владимирович шел уверенно, распрямив плечи, словно и не было за этими плечами семидесяти с лишним лет. «А под землей ходит ссутулившись и на палку опирается, – подумалось Мише. – Неужели так стены и потолок давят?»

– Игорь Владимирович, вот вы говорите – кладбище, а вдруг тем, кто выжил в метро, удастся построить новое общество, лучше, чем раньше, а со временем и выйти на поверхность? Вы же сами мне рассказывали, помните, когда я был маленьким?

Игорь Владимирович горько взглянул на Мишу.

– Тем, кто выжил?! Миша, ты разве не видишь? Никто не выжил в этом мире, нет у человечества будущего, потому что его больше нет!

– Но мы с вами? Те, кто в метро?..

Старик махнул рукой.

– Это не метро, Миша, это чистилище. Люди на самом деле пытались укрыться в метро, некоторым это даже удалось. Но прожили они недолго. Где-то, еще в первые минуты Катаклизма, не сработали гермозатворы, где-то обрушились своды туннелей, впуская в катакомбы губительный отравляющий воздух. Ну а те, кто смог спастись на некоторых станциях, умерли от голода и болезней. Не приучен человек жить в замкнутом пространстве, без свободы над головой.

Игорь Владимирович посмотрел на небо. Затянутое серыми низкими тяжелыми тучами, оно грозило обрушиться на путников, чужаков в городе-призраке, среди таких же городов на огромной карте мира.

– Но мы-то?! – Миша схватил себя за руки, ощупал лицо, – мы ведь здесь, мы есть, существуем!

Игорь Владимирович улыбнулся, и от этой улыбки стало нехорошо. Да это скорее была и не улыбка, а какой-то оскал, обнаживший длинный ряд мелких острых зубов. Миша с ужасом смотрел, как за спиной у Игоря Владимировича расправляются крылья, широкие, с прожилками сосудов, огромные. Тело старика уже было не человеческим – серое, гладкое, стройное, с развитыми мышцами и когтистыми лапами вместо ног; голова твари была вытянутой, а на морде злобно сверкали маленькие красные глазки.

– Хватит витать в облаках, – голосом Игоря Владимировича прошипела тварь, взметнув в воздух пыль и мусор улицы, сделав пару взмахов огромными крыльями и набирая высоту, – Миша, проснись!

* * *

– Проснись! – голос Кольки свистящим шепотом прорезал воздух палатки, где спал Миша. – Пора идти.

Миша резко сел, потер глаза и помотал головой, отгоняя дурной сон. Он даже не заметил, как заснул, а ведь всего лишь прилег на десять минут, чтобы успокоить выскакивающее из груди сердце и дрожащие руки.

– Ты в порядке? – с сомнением посмотрел на друга Колька. – Может, лучше не стоит?

- Принес то, о чем просил? – вместо ответа задал вопрос Миша.
- Принес, только, если узнают, мне влетит. Сам понимаешь.
- Не узнают, я быстро. Туда и обратно.
- Ну-ну, – хмыкнул Колька. – Может, я все-таки с тобой?
- Не надо.

Остатки сна улетучились. Миша быстро натянул костюм химзащиты так, как им показывали в учебке, нацепил респиратор, проверил – фильтры в порядке. Сделал пару вдохов-выдохов. Нормально. Отдает резиной. Взял автомат с полупустым рожком патронов. Махнул рукой другу – пошли.

Пробираясь между палатками, Миша старался идти бесшумно, чтобы никого не разбудить. Попробуй потом объясни, зачем он ночью надел костюм химзащиты и куда направляется. Без происшествий добрались до южных гермоворот. Здесь никого не было. В отдалении еле слышно потрескивал костер дозорного из южного туннеля. Миша помнил: пост на отметке пятидесяти метров от станции. Если действовать тихо – никто не заметит. Все палатки стояли у северных туннелей на платформе, туннели здесь были перекрыты, гермоворотами с этой стороны не пользовались, так как они выходили прямо к Царицынскому парку, буйно разросшемся и добравшемся уже практически до подземных вестибюлей, ведущих к станции.

- Ты уверен? – спросил Колька, хотя ответ знал заранее.

Миша кивнул. Слов не требовалось.

Они налегли на рычаг гермозатвора, тот нехотя поддался. Двигаясь быстро, чтобы никто не заметил, Миша перевалился через наполовину открытую створку. Выпрямился, огляделся. За спиной скрипнули, закрываясь, ворота. Он вспомнил наставления Кольки: «Тихонько стукнешь – три раза, пауза, два раза, пауза и опять три. Все понял? Я буду ждать у ворот, ты обещал недолго». Хороший друг Колька – рискует получить, а все равно помогает в его аванюре.

Ступеньки эскалатора не внушали доверия: где-то обвалились, где-то истлели и проржавели. Осторожно ступая, чтобы не провалиться, Миша начал свой путь наверх.

* * *

Колька был младше Миши на два года. Сейчас ему стукнуло семнадцать, самый подходящий возраст для приключений. Его отец – один из первых сталкеров – постоянно выходил на поверхность за инструментами, дровами и прочими полезными вещами, которые можно найти поблизости от метро в супермаркетах или бывших жилых помещениях. Когда Миша рассказал Кольке о своем плане, тот сомневался недолго – жажда приключений, присущая молодому организму, сыграла свою роль. Сначала Колька пытался отговорить друга, но когда Миша со всей серьезностью заявил, что выйдет на поверхность в любом случае, в костюме химзащиты или без него, согласился помочь. Ночью, когда все, кроме дозорных, спали, Колька взял химзащиту и респиратор отца и прокрался к Мише.

Из карты района Орехово-Борисово Северное, позаимствованной у Игоря Владимировича, и со слов некоторых жителей станции Миша знал, что дом 41 по улице Шпиловский проезд находится совсем недалеко от вестибюля метро Орехово – на выходе повернуть налево и по прямой метров двести. Этот дом должен был быть и его домом, где бы он жил вместе с мамой и папой, если бы не страшная война, уничтожившая цивилизованную жизнь. Миша часто задавался вопросом, как это – жить в многоэтажном доме, иметь собственную квартиру, ходить по земле, не опасаясь мутантов и новых монстров, властвующих сейчас на поверхности. Он хотел больше знать о своем отце, своей семье. И тогда он решил – ночью, когда все будут спать, он выйдет наверх, чтобы навестить дом родителей, который так и не успел стать родным для него самого.

* * *

Жизнь шла своим чередом, гонимая туннельными сквозняками, прячущаяся под землей от радиации и невиданных созданий, перевернувших с ног на голову все представления об эволюции. Она упорно цеплялась за сбойки и коллекторы, тубинги многочисленных туннелей, тупики и платформы станций. Человек был вынужден терпеть, приспосабливаться к новым условиям, потому что другого выхода нет. Мир в прежнем виде перестал существовать за несколько часов. Все, что возводилось сотни лет, лежало в руинах, все культурные ценности, накопленные за огромный срок, были повержены. Те крохи, что человек унес с собой в метро, новую колыбель жизни, едва позволяли людям не переступить ту грань, что всегда отличала человека от животного.

Говорили, что на некоторых станциях имелись даже школы и детские сады, уроки, строгие учителя и воспитатели. Но перегон Орехово-Красногвардейская был отрезан от остального метро – на севере гермоворота перекрывали туннели от затопленной грунтовыми водами станции Царицыно. Что на Кантемировской и дальше – никто не знал наверняка. Некоторые говорили, что в районе Каширской упала боеголовка и от радиации можно свариться, ну а от Коломенской до Автозаводской метро проходило по поверхности, так что путь в любом случае отрезан.

Связь с другими станциями метро была случайной и редкой. Иногда забредали сталкеры, пытались наладить контакт даже торговцы с Севастопольской и Печатников, но, увидев, что на Орехово поживиться особо нечем, уходили обратно. Они приносили разные слухи, иногда противоречивые – про войну Красной ветки с Ганзой, про каких-то сектантов, роющих туннель вниз, в самую преисподнюю, про эпидемии чумы на Римской и Авиамоторной, про мутантов Смоленской и Арбатской и неизвестно откуда взявшихся «черных» в метро, способных влиять на психику людей. А в остальном – у всех хватало своих забот, и станция Орехово, кроме самих ее жителей, никому не была нужна.

* * *

Миша с Колькой часто спорили по поводу войны, основываясь на учебнике истории, который они брали почитать у Нины Ивановны. Миша горячился:

– Войны разные могут быть. Вот раньше войны были справедливее, не было оружия массового поражения, встречались люди в поле и с помощью мечей решали, кто сильнее.

– Ага, – возражал Колька, – или с помощью численного преимущества. Понимаешь, оружие – это всего лишь предмет, способ показать силу. А человек остается человеком. В его душе, в самой глубине, закопаны звериные инстинкты, и когда слетает этот легкий налет цивилизации, – Колька всегда старательно и с презрением выговаривал это слово, – обнажается все то, что человек прячет в себе, и он превращается в зверя и крушит все на своем пути, пока не встретит более сильного противника, который одержит над ним верх.

– Ну, по крайней мере, раньше войны ограничивались территорией и любая империя рано или поздно разваливалась. В любом случае, всегда можно было договориться, прекратить воевать, объявить перемирие, сдаться, наконец, чтобы остановить кровопролитие. А сейчас и договариваться-то не с кем, да и воевать тоже – ничего уже нет. Раньше в войнах хотя бы выбор был...

– Тут ты прав, не поспоришь. А все потому, что человек не умеет остановиться, ему обязательно надо погреть оружием перед носом другого, показать кулак, свое превосходство и силу. Так уж мы устроены, – Колька вздохнул.

– Насчет всех не уверен. Я верю, что не все люди такие. Просто в определенный момент в определенном месте у власти оказались больные на голову люди, которые, понимая всю ответственность и масштабы возможной трагедии, тем не менее, разом покончили с миром. И полетело...

– Говорят, не мы первыми начали?

– Да это уже неважно, мы или кто-то другой. Прошлого ведь не вернешь. Да и будущего теперь может не быть.

– А вот ты бы что сделал? – Колька заглянул в глаза другу. – Допустим, ты управляешь своей страной, на тебя летят сотни ядерных боеголовок – зная об этом, как бы ты поступил? Ответил бы тем же, выпустив свои ракеты?!

– Не знаю, – честно ответил Миша.

* * *

Глаза быстро привыкли к темноте – она была верным спутником жителей подземки. Мрак на станции рассеивали только факелы и костры, разве что фермы освещались хорошо. Миша внимательно посмотрел вверх – вроде бы все тихо. Движения никакого нет. Сердце ухало в груди – казалось, стены вокруг вибрировали от его громкого стука. Миша постоял, прислушиваясь, закрыл глаза, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Вроде немного успокоился. Сделал первый шаг. Эскалатор закрипел под его весом, но выдержал. Осторожно продвигаясь, перешагивая провалившиеся ступени и дыры и держась за поручни, Миша лез вверх. Наконец, спустя целую вечность, достиг последней ступени небольшого эскалатора. Ладони и лицо взмокли, респиратор неприятно стягивал кожу. Миша осмотрелся.

Всюду царило запустение – мусор, толстым слоем покрывавший пол, сухие ветви, истлевшие тряпки и труха, бетонное крошево осыпающихся стен, мятые железные блоки банкоматов. Под ногами хрустнуло. Миша наклонился, вгляделся. Пол вперемешку с мусором был усыпан человеческими костями. «Сколько же их здесь погибло, пытаюсь попасть вниз за спасительные створки гермоворот?» Внутри Миши что-то сжалось, заскребло. «А может, здесь и не только человеческие кости», – подумал он, заметив большой странный продолговатый череп у стены с несколькими рядами хорошо уцелевших зубов. Миша поежился. Над эскалатором был ряд литых бронзовых скульптур – какие-то мужчины, женщины, дети и животные среди деревьев и листвы.

«Времени не так много», – сказал сам себе Миша, – пора двигаться». Он сделал шаг в сторону выхода...

* * *

...и в этот момент тварь прыгнула.

Инстинкты сработали, Миша в самый последний момент дернулся, успел откатиться в сторону. Острые когти резанули по плечу, разрывая ткань комбинезона, оставляя кровоточащие отметины. Миша резко развернулся, протянул руку, чтобы сдернуть с плеча АК-74, и... Автомата на плече не было. Миша с глупым выражением лица уставился на руку, где еще совсем недавно висело оружие. Перевел взгляд на чудовище. АК лежал в трех метрах от него, между ним и тварью, снова изготавившейся к прыжку. «Наверное, слетел, когда я откатился в сторону», – промелькнуло в голове Миши. И он понял, что уже не успеет ничего сделать.

Было что-то кошачье в этом создании, оно было кошмарно и вместе с тем грациозно. Мощные лапы с длинными когтями, хвост, нервно хлещущий по бокам, короткая жесткая черная шерсть, красные зрачки и пасть с желтыми зубами и слегка высунутым раздвоенным языком, словно пробующим на вкус воздух вокруг, прежде чем снова прыгнуть. Ее глаза гипно-

тизировали, сковывая движения Миши, заставляя смириться с неизбежным. Парень с трудом поднялся, вялость разливалась по телу, ноги передвигались с огромным трудом. Шаг... еще один... Навстречу?! Что он делает? Ноги твари оторвались от земли. На этот раз шанса уйти в сторону не было.

Грянула автоматная очередь, резанув по ушам. И в тот же миг плечо пронзила острая боль, чудовище всем своим весом обрушилось на Мишу, подминая его под себя. Дыхание сбилось от резкого удара о землю, словно разом выпустили весь воздух из легких. Миша ударился затылком, сознание поплыло. В нескольких сантиметрах от его лица застыла морда животного с остекленевшими глазами. Повернув голову набок, хватая ртом прохладный воздух и морщась от боли в плече и затылке, Миша словно в тумане увидел, как к нему бегут трое незнакомых людей в костюмах химзащиты.

Подбежав к Мише, один из сталкеров наклонился, заглянул в лицо и спросил:

– Живой?

– Зачем снял? – грубые руки сталкера, надевавшего респиратор обратно на Мишу, немного привели того в чувство. – Вроде бы в порядке, – констатировал боец в камуфляже, придирчиво обследовав парня.

Колени Миши предательски дрожали, ноги подкашивались, и если бы сталкер не поддерживал его, парень бы давно рухнул на землю. Правая рука и плечо саднили, во рту ощущался привкус крови, вдобавок ко всему Мишу подташнивало и кружилась голова.

– Страшно? – один из сталкеров – тот, что был пониже ростом, чем остальные – подошел поближе и сделал круглые глаза. – Да ты, парень, видать, зеленый совсем. Че на поверхность-то поперся, дурень? Жить надоело?

У Миши непроизвольно сжались кулаки. Подбирая слова, чтобы ответить наглцу, он взглянул на небо, и его закачало и замутило с новой силой.

Широкоплечий сталкер, по всему видно – старший, внимательно посмотрел Мише в глаза, а затем обратился к своему бойцу:

– Отвали от него, Башка. Это он не от страха.

– Первый раз на поверхности? – обращаясь уже к Мише, спросил он.

Тот кивнул, с трудом справляясь с позывами рвоты.

– У него агорафобия, – обращаясь к своим, сказал сталкер. И затем уже коротко, покомандирски, бросив быстрый взгляд на Царицынский парк и махнув в сторону вестибюля станции: – Вниз. Хватит время терять. Башка, ты первый, Том, тащи его к входу, – он ткнул пальцем в Мишу, – я прикрываю.

Миша попытался было возразить, что он может двигаться и сам. Но перед глазами поплыли круги, а ноги были ватными и совсем не слушались.

– Тихо-тихо, – почти ласково сказал сталкер, которого называли Томом. – Хватайся за меня, – и, поддерживая Мишу своей огромной ручищей, он двинулся вслед за Башкой.

Протяжный вой неведомых тварей со стороны бывшего парка провожал бойцов, пока они осторожно спускались по прогнившим ступеням эскалатора.

Глава 2

Знакомство

Спиртовка на столе горела синеватым пламенем. Она не могла осветить все помещение, по углам которого прятались тени, но хоть что-то разглядеть было можно. Вдоль стен стояли несколько деревянных, грубо сколоченных скамей со стертыми прохудившимися матрацами и простынями, желто-серыми от времени и многочисленных стирок. С потолка свисал брезент, деля комнату пополам. Там, за ним, Миша знал, находилась Операционная. Вторая часть комнаты, где на скамье сейчас лежал Миша, именовалась просто – Палатой. Баба Шура, как все звали здесь медсестру и сиделку, в прошлом работавшую в медкабинете при школе, только что промыла и перевязала Мише раны и в который раз заставила лечь обратно парня, так и порывавшегося удрать, чтобы поглазеть на настоящих сталкеров, часом ранее спасших его от верной смерти на поверхности. Он чувствовал себя значительно лучше, но ко всем его увещаниям и мольбам баба Шура оставалась равнодушной.

Тот старший назвал Мишин страх агорафобией. Какое мудреное слово. Парень закрыл глаза, и перед ним всплыла жуткая оскаленная морда прыгнувшего на него ужасного создания. Он в который раз мысленно поблагодарил сталкеров за свое спасение и решил, что непременно должен сделать это лично, все-таки жизнью обязан.

Палата находилась за платформой станции, там, где начинался ряд производственных помещений, санузлы и душевые, а дальше, в конце коридора, в небольшой каморке – комендантская. Комендант, Василий Петрович Ионов, до Катаклизма был путевым обходчиком, и массивный ядерный удар застал его в метро, когда он собирался уже было выйти на поверхность после ночной смены. Волею судьбы он задержался на работе – попить чаю и поболтать с сослуживцами. Он был очень общительным, любил рассказывать детям байки из прошлой жизни. Обычно в таких случаях Василий Петрович всегда делал страшные глаза и, понижая голос почти до шепота, отчего становилось жутко, начинал:

– Иду я, значит, мимо расстановок, это специальные такие места в туннелях, куда поезда загоняют, фонарем подсвечиваю, и вдруг слышу – в вагонах что-то постукивает. Известно, что металл расширяется, когда нагревается, а потом, когда остывает, издает звуки... К этому я привык, хотя у нас на работе и были такие, которые боялись в одиночку ходить мимо расстановок, всегда напарника с собой брали. Но тот стук, что я услышал, был явно не технического происхождения! Так вот. Словно молоточком кто-то р-раз, два, раз... То тише, то громче. И еще – будто цепи позвякивают. Крутанул я фонарь, а у самого руки трясутся. А на стенах туннеля тени какие-то непонятные мелькают, жуткие. И вдруг стук оборвался, но слышу, кто-то шаркает, приближается. Страшно мне тогда очень стало. Ноги в руки – и припустил до подсобки, добежал – всего трясет, отпоили чаем. А Митрич, тоже обходчик, почти на пенсии уже, тогда мне и говорит: «Вася, это души тех, что метрополитен строили, кого еще в тридцатых и сороковых годах загоняли на стройку, вот они и померли прямо здесь, на величайшей стройке коммунизма».

Василий Петрович вообще обожал пострашать мальчишек своими мистическими историями. Ребята собирались вокруг костра у южных гермоворот, в тлевших углях пеклась картошка, и по станции разносился непередаваемый аромат. Тени на стенах плясали, а Василий Петрович рассказывал:

– Все древние города строились обычно так – круги, спирали, улицы, расходящиеся, словно лучи, от центра, где и находилось все жизненно важное для управления. Вот и Москва – не исключение. Кольцо-центр и радиальные улицы были заложены еще в древности, к плану строительства приложили руку известные архитекторы своего времени. Если взглянуть на карту прежней Москвы, той, что существовала двадцать лет назад, то можно заметить, что

она напоминает спрута или осьминога, своими длинными щупальцами-улицами охватившего районы и кварталы, дома и постройки. Когда строили метро, ничего нового изобретать не стали, подземку ваяли по тому же принципу – центральные станции, кольцевая и радиальные линии. Поговаривают, что после Катаклизма души архитекторов, – тут Василий Петрович делал паузу, и мальчишек пробирал озноб, хотелось придвинуться поближе к свету костра, а тени становились еще больше и зловеще нависали над источником света, грозясь поглотить сгрудившихся вокруг огня притихших слушателей. Комендант обводил взглядом каждого и затем продолжал, довольный эффектом: – Так вот, души их, значит, были заключены в катакомбы, а они существовали с самых первых лет, как начали возводиться стены Кремля и белокаменные строения на месте деревянных построек. В древние времена многочисленные паломники спускались по ступеням, ведущим во мрак, чтобы совершить жертвоприношения на залитом кровью алтаре, в угоду темной душе подземелий. А среди жертв бывали даже дети...

Неприятный холодок пробежал по спине Миши. Вот он сидит сейчас здесь, вдали от палаток, горит небольшой костер, с трудом рассеивая тьму, и в любой момент из темноты туннелей могут выскочить последователи темной стороны и утащить его, чтобы на алтаре из холодного камня совершить ужасное жертвоприношение, и его душу сожрет ненасытный призрак метро. Конечно, в туннелях были дозорные и могли предупредить об опасности, но страшно было все равно.

* * *

– Ермолин! – зычный голос Кольки вывел его из оцепенения, – к коменданту! Миша встряхнул головой, прогоняя воспоминания о детстве, хитро прищурился и улыбнулся.

Баба Шура всплеснула руками:

– Да куда ж ему идти, посмотри на него, бледный какой, ему лежать надо!

– Баб Шур, ну надо, значит, важное что-то, – сказал, протискиваясь между ней и стеной и морщась от боли в плече, Миша, – видать, что-то срочное.

В коридоре Колька осмотрел друга и присвистнул:

– Ну ты даешь, я вон по голове получил от бати из-за тебя, – Колька показал здоровую шишку, – а ты чуть не загнулся там, – он ткнул пальцем в потолок.

Однако Колька недолго изображал обиженного – взглянув на забинтованные бок и руку Миши, нетерпеливо выпалил:

– В следующий раз, если что, я с тобой пойду. Ну, рассказывай, давай, кто это тебя? Что с тобой случилось? С самого начала.

Миша махнул здоровой рукой:

– Да ничего особенного, не успел ничего толком понять, как уже здесь оказался.

Все-таки настойчивых расспросов он не выдержал и вкратце изложил всю историю.

– Ух, ты, – от восторга лицо Кольки сияло, – страшно было?

Миша кивнул:

– Врать не буду, страшно.

И добавил уже восхищенно:

– Но это небо... Оно стоило того, чтобы даже умереть.

* * *

В комнате коменданта горела масляная лампа. Помещение было скудно обставлено – стол, несколько стульев вокруг него, какой-то ветхий шкаф у стены, а в углу скамья, которая заменяла коменданту кровать. Кроме коменданта, в комнате были еще трое, Миша их сразу узнал – сталкеры, которые спасли его. На столе была разложена карта, похожая на ту, что он

взял у Игоря Владимировича, но только больше. В неярком свете чернел Царицынский парк, цифрами были отмечены дома района, а улицы подписаны.

– Думаю, ты уже успел познакомиться, Миша, – комендант усмехнулся Ермолину, застывшему на пороге и не решающемуся пройти, – да ты давай, заходи, чего оробел? – Василий Петрович кивнул на свободный стул. – Присаживайся.

Сталкер, самый старший, протянул руку и представился коротко:

– Олег Немов.

Затем махнул на остальных:

– Это, – он указал пальцем на громилу, – Саша Томилин, или просто Том, а это, – его палец уперся во второго мужчину, – Иван Данилов, мы его Башкой кличем.

– Ермолин Михаил, – представился Миша. Он не увидел, как при упоминании этой фамилии внезапно побледнел Данилов и во все глаза уставился на парня. Впрочем, уже через пару мгновений сталкер вернул утраченную на время ухмылку обратно. Краткая метаморфоза осталась никем не замеченной.

– Ну как оно? – спросил Немов.

– В порядке, – как можно более небрежно ответил Ермолин. Мол, бывало и похуже.

Немов хмыкнул, но ничего не сказал. Зато Башка встрял:

– Ну да, в порядке, – блеснули ровные белые зубы, – от страха чуть в штаны не наложил наверху, еле успокоили.

– Будет тебе, Ваня, – успокоил своего бойца Немов, – ты вспомни свой первый выход на поверхность. На руках тащить обратно пришлось, ноги не шли.

– Ну ладно, – обращаясь уже к Василию Петровичу, сказал командир. – Вы тут со своим парнем разбирайтесь сами, а нам отдохнуть немного надо. И подумайте над моим предложением.

Немов кивнул своим бойцам, те встали и направились к выходу. Напоследок Том ткнул Мишу огромным кулачищем так, что плечо парня аж заныло, и подмигнул:

– А ты смелый, раз в одиночку решился на поверхность сунуться, только глупый.

И трое сталкеров покинули комендантскую.

Миша получил нагоняй по полной программе – и за самовольный выход на поверхность, и за испорченный когтями твари комбинезон химзащиты, и за то, что втянул Кольку, и за то, что сейчас ночь, а полстанции из-за него не спит. Но Василий Петрович остыл быстро – такой уж он был человек, не мог долго злиться. Уже по-отечески потрепав Мишу по плечу, комендант налил ему чаю, который заваривали на грибах, – конечно, не тот чай, что пили до Катаклизма и который знал Василий Петрович, но все лучше, чем ничего. От кружки валил пар и распространялся терпкий аромат; Миша любил этот чай, другого он просто не пробовал. Жмурясь и обжигаясь, он сделал большой глоток.

– Василий Петрович, а что за предложение они вам сделали?

* * *

Сталкерам выделили место для ночлега – склад, где хранились дрова, немного расчистили. Хотя Немов и говорил, что ничего не нужно, они могут переночевать и на платформе станции, комендант, чтобы оградить бойцов от любопытных глаз, а также от лишних расспросов, настоял на отдельном помещении, выдав сталкерам несколько одеял.

Рабочий день был в самом разгаре, но Мишу освободили на несколько дней от обязанностей на фермах. «Пусть плечо сначала заживет», – сказала баба Шура, выписывая ему грифельным карандашом на клочке бумаги справку об освобождении. Баба Шура не смогла до конца избавиться от этой привычки, полученной еще во время работы медсестрой в школе, и

по-прежнему выдавала никому не нужные здесь освобождения и справки. Вот и Мише выпи- сала, а потом аккуратно прикрепила скрепкой к стопке подобных бумажек.

Миша слонялся по станции и не находил себе места, пытаясь не отходить далеко от слу- жебных помещений, где находились сталкеры, пока Василий Петрович не прогнал его со сло- вами: «Если больной, то иди отлеживайся, поправляйся, а если чувствуешь себя нормально и просто так шатаешься без дела, то иди лучше работай». Миша и пошел на ферму. Но не работать, а потрепаться с Колькой.

На фермах, раскинутых в тупиках за станцией, было светло и тепло. У стены стоял стул, на который залез с ногами Миша, и, наблюдая, как Колька с Ниной Ивановной рыхлят землю на грядках, думал о своем. Миша любил это место, здесь было уютно.

Фермы обеспечивали Орехово тем минимумом, без которого существование не пред- ставлялось возможным. Масло для станционных факелов производили здесь же, из плодов конопли, которую выращивали на фермах, путем горячей выжимки. За любое употребление конопли не по назначению строго наказывали, впрочем, таких случаев было раз-два и обчелся. Спирт для горелок добывали так: раствор, полученный при переработке картофеля, подвер- гали очистке и концентрированию путем дистилляции и получали на выходе этанол, пусть и не совсем качественный. Помимо картофеля и грибов, было несколько грядок свеклы, моркови, лука и щавеля.

Фермы, в отличие от станции, освещались электрическим светом. Много лет назад после поломки генератора начались непростые дни. Угроза потерять все посевы стала реальной. Решение, как спасти фермы, оказалось простым. Из одного рейда на станцию притащили ста- ренький велик. Приладив к нему обычную динамку, получили источник энергии, которого хватало для выращивания растений. А комендант отрядил на работу на фермах молодежь в помощь к женщинам. «Вот вам велотренажер, получше, чем в любом фитнес-клубе, будет. Заодно в форме будете, лишняя нагрузка не повредит – для здоровья полезно», – констатиро- вал он.

Динамо-машина на велосипедной тяге питала лампы, развешанные над растениями, а зеркальные отражатели усиливали эффект иллюминации. Для освещения станции не хватит, а для небольшого тупика, где выращивали овощи – в самый раз.

Миша пытался, как мог, скрасить время за раскручиванием педалей старого велика. Так проходил день на ферме: поочередно меняясь с другими работниками, парень обеспечивал светом скудные посевы. Пока ноги выполняли свою механическую работу, Миша вволю меч- тал. Мечты его давно вырвались за пределы обжитых станций, в мыслях он покорял заново поверхность вместе с другими людьми, отправлялся в полные опасностей путешествия, побеж- дал в схватках с чудовищами. Мечты позволяли раскрасить серость будней. Воображения же парню было не занимать.

* * *

На ферме его тоже ждало разочарование. Конечно, Кольке и самому не терпелось пого- ворить с Мишей, но рядом была Нина Ивановна, зорко следившая за парнем, и если у того было немного работы, то она всегда находила, чем ему заняться. А Нина Ивановна все-таки была старшей, и Колька не мог ее ослушаться, поскольку за это могло последовать наказание в виде недели, а то и двух, более грязной или тяжелой работы.

Мише же не сиделось на месте, и, понаблюдав с полчаса за монотонными действиями Нины Ивановны и Кольки, он отправился обратно на платформу, задержался ненадолго у костра в туннеле, показывая дозорному рану на плече и немного приукрашивая недавние собы- тия, случившиеся с ним. Но тут же заспешил, увидев, что к ним направляется отец Кольки,

Андрей Иванович. Прощмыгнуть мимо не получилось. Отец Кольки схватил его за шиворот и развернул к себе лицом.

– Стоять, малец, – Андрей Иванович продолжал его так называть несмотря на то, что Мише было уже девятнадцать лет.

– Здравствуйте, Андрей Иванович, – сглотнул комок в горле Миша, предчувствуя лютую расправу.

– Таак, что же ты натворил-то, а? Химзу мне испортил, Кольку подбил на то, чтобы костюм и автомат без спросу взять. А ты знаешь, сукин ты сын, что химза на вес золота у нас? У нас их всего четыре штуки на всю станцию!

– Простите, Андрей Иванович. Случайно вышло, не знал, что все так обернется. Я верну химзу, достану другую.

– И где же ты собрался ее достать-то, а? Может, у другого так же выкрадешь? Как у меня?

– Андрей Иванович, я не хотел.

– Не хотел он, – пробурчал отец Кольки, вдруг сменив гнев на милость. – Ладно, герой. Будет тебе уроком, – сказал он, кивая на плечо Миши. – Вижу, крепко тебе досталось.

– Пустяки, – как можно небрежнее бросил Миша.

– Ага, – ухмыльнулся Андрей Иванович, – а в штаны не наложил на поверхности? Ладно, некогда мне, на Домодедовскую надо. Бывай.

И отец Кольки отпустил Мишу и зашагал по туннелю дальше, напоследок хлопнув ободряюще по плечу, но, то ли случайно, а то ли нарочно, именно по больному. Миша скривился от пронзившей плечо боли и невольно застонал.

Но Андрей Иванович, казалось, ничего не услышал, и уже через мгновение его силуэт растворился в темноте южного туннеля, ведущего к Домодедовской.

* * *

Остаток дня Миша провел в своей палатке, перечитывая в который раз книжку, доставшуюся ему от мамы, и время от времени выглядывая наружу, не появились ли на платформе сталкеры. Но они все не выходили – кто знает, может, до сих пор спали, отдыхая от тяжелых испытаний, выпавших на их долю по пути сюда. «Интересно, зачем они пожаловали к нам на станцию? – подумал Миша. – Может, как и другие сталкеры, которые иногда к нам заявляются, надеялись, что мы тут живем припеваючи».

Он не заметил, как быстро пролетело время, пропустил обед в столовой, и к вечеру голод дал о себе знать. В шесть в столовой подали ужин, Миша проглотил за секунду грибной суп и маленький кусочек свинины. И теперь наслаждался обжигающим чаем. Миша жмурился от удовольствия, потягивая кипяток; он и сам не заметил, как перестал вспоминать о сталкерах. Выйдя из столовой, он направился к палатке Кольки, которого не было за ужином. Может, друг задержался на ферме, или отец принес ему еду в палатку, запретив сыну видаться с Мишей, чтобы они вместе не натворили еще дел. Вот Ермолин и направлялся узнать, почему его товарищ не пришел в столовую.

У южных гермоворот вокруг разведенного костра собралась ребятня. Василий Петрович был верен себе – каждый вечер он собирал детишек здесь, чтобы потравить байки, рассказать сказки. Колька с Мишей тоже выросли на этих сказках.

Вот и сейчас, проходя мимо костра, у которого сидели Василий Петрович с ребяташками, Миша не смог удержаться от соблазна послушать очередную байку коменданта.

– Жили на свете три брата: Змей Горыныч, Лунь и Дракон, – рассказывал он. – Никто не мог сравниться с ними, и были они равными друг другу по силе. Правили они различными частями света. Лунь – землей восточной, откуда каждый день приходило солнце, Дракон – Западом, откуда веяло духом нового времени, ну а Змей Горыныч – между ними. Разделяя

и властуй, как говорится. И все бы ничего, да каждый правитель нет-нет, да и посматривал украдкой в сторону владений братьев своих, все каждому казалось, что у соседа и землицы вроде побольше будет, и ресурсов всяких, да и просто тщеславие не давало покоя каждому. До поры до времени держалось все на политике сдерживания – мол, не сможет никто победить, когда равны по силе они, и пусть не сердцем, но умом понимали они, что если ввязаться в войну, то плохо станет всем. Но случилось так, что коварный змей Аспид приполз из пустыни, где он грелся на солнце, и нашептал каждому брату о том, что остальные родичи его, дескать, заговор готовят политический, военной мощью огневой хотят ударить по ничему не подозревающему собрату. Начали подозревать друг друга братья. Достаточно было малой искорки, чтобы началась война. И эта искра проскочила. Откуда она взялась, никто не заметил, да и неважно это уже было.

Собрали братья войска и повели их друг на друга. Пусть и предвещал Див, вестник бед, плохие события, выкрикивал свои пророчества, но войска не слышали его, принимая слова вещей птицы за ревуший ветер и грохот бури. Как ни старался Див, не смог предупредить о грядущей опасности, и лишь ему была ведома судьба, и он единственный знал, что мир обречен.

Лунь наслал птицу древнеиранскую – Семиурга – великую и могучую, бессмертную, Змей Горыныч – Жар-птицу, сияние которой слепило глаза подобно молниям и солнцу, и принесла она с собой небесный огонь, а Дракон – Феникса бессмертного, способного возрождаться из пепла. Но не смогли они одолеть друг друга. Тогда в бой вступили земные силы. Сошлись в битве нечеловеческой Титаны, охраняющие западные земли, Дэвы, обитающие на востоке, и Великаны – Буря-богатырь, повелевающий ветрами, Вертогор, ворочающий горами и Вертодуб, вырывающий с корнем могучие дубы. Но и на земле преимущества не добился никто. Вступили тогда в битву силы морские. Огромный Кракен приплыл с Запада и опутал своими щупальцами полмира, но не уступил ему ни в чем ни Водяной, ни Радоло, змей исполинский, способный превратить огромный водоем своим горячим дыханием в облако пара.

Разные силы бросали в бой армии. Лешие раскачивали деревья, Вий истреблял взглядом все живое вокруг, обращал в пепел города и деревни, Айравата, небесный слон, был могуч и неустрашим в сражении, Тифон, у которого одна рука могла касаться восхода, а другая – заката, насылал ураганы и тайфуны, вызывал вулканы, Мантикора с хвостом скорпиона жалил направо и налево, Кощей Бессмертный взмахивал без устали своим мечом, Василиск превращал землю в пустыню, сжигал траву и отравлял воду (а ведь надо было всего лишь показать ему его отражение), Фафнир лязгал пастью, пряча свое единственное уязвимое место – брюхо, Циклопы кидались огромными камнями и обломками скал.

Но все было тщетно. Победить не суждено было никому. А от дыхания смрадного, разноразного повсюду, страдали не только соседние земли, но и свои, родные. Валькирии трудились в поте лица, подбирая души павших и перенося их в Валхаллу, но даже они не поспевали за ходом боя. Грозные темные тучи застили солнечные лучи и лишили живой мир главного источника жизни, молнии били в землю, дым валил столбом повсюду, деревья дрожали от ужасного рева и сбрасывали листья, реки выплескивались из берегов, трава засыхала, люди, звери и птицы падали замертво.

И пробудился Левиафан, невиданное гигантское чудовище, что спало в глубинах водных, ото сна. Пришел он в ярость, видя, как трое братьев схлестнулись в смертельной битве. Поднялся он со дна огромного океана. И дохнул огнем, вскипела вода повсюду, и обрушились волны на землю, сметая все на своем пути, затапливая города людские и принося боль и страдания. И молвил он: «Покуда не смирите гордыню свою, миром будет править нечисть всякая – гарпии и химеры, церберы, мутанты и твари, которых не видывал еще белый свет. А народы ваши я загоню под землю, чтобы не мнили себя царями всего сущего. И пусть живут там, в

заточении, и на поверхность отныне им путь надолго заказан будет. И будут они словно между Сциллой и Харибдой – куда ни сунься, везде смерть».

Комендант почесал в затылке, вздохнул и оглядел слушавших его детей.

– Вот и живут люди теперь под землей, в катакомбах темных, ждут, когда смиростивится Левиафан и позволит им вновь поселиться на поверхности под ласковым взором Солнца и нежным дыханием Ветра. А с этим подождать придется, так как испоганили Землю-матушку, выжгли ее и отравили ядом, в воздухе же стоит зловонное дыхание, которое не скоро еще развеется.

Когда Миша был маленьким, Василий Петрович много раз рассказывал ему эту сказку в разных вариациях. Но каждый раз было жутко интересно. Часть названных мифических существ он знал из книг и рассказов Игоря Владимировича, о некоторых он не слышал ничего, но воображение всегда приходило ему на помощь, рисуя перед мысленным взором чудовищ и кошмарных созданий.

Ребята у костра примолкли, открыв рты. В тишине потрескивал костер, Василий Петрович оглядел сидящих рядом детишек и едва заметно усмехнулся.

– А сколько людям придется ждать? – первым нарушил молчание Митя, мальчик из палатки, стоящей по соседству с Мишиной. – Здесь, под землей?

– Не знаю, Митя. Но этот день когда-нибудь настанет. Не зря все эти испытания выпали на нашу долю. Может, выдержав их, человек станет лучше, – вздохнул Василий Петрович.

– А расскажите страшную сказку, – попросил Сашенька, девятилетний мальчик. Сказал и поежился, предвкушая зловещую историю.

– Страшную? – Василий Петрович сделал круглые глаза. – Ну хорошо, будет вам страшная, коли сами просите.

Василий Петрович призадумался.

– Есть у меня такая. Точно хотите ее услышать?

Дети дружно закивали.

– Ну, хорошо, слушайте. Когда-то давным-давно, много тысячелетий назад, существовало два мира – наш и зазеркальный. Оба царства – и по эту, и по ту сторону зеркала – жили мирно, сквозь зеркала можно было ходить свободно, обитатели обоих миров сильно отличались друг от друга. И их форма, и цвета были абсолютно разными. Но однажды зазеркальный народ объявил нам войну. Жестокий правитель-тиран захотел править двумя мирами. Много лет длилась та война, немало жизней унесла. Но в конце концов Император нашего мира одержал верх над Зазеркальем – не без помощи магии. Прослышал он о могучем колдуне-отшельнике, живущем в богом забытом ущелье, практически на краю мира. Согласился колдун помочь Императору и наложил заклятие на зазеркальный народ. Он заточил их в зеркала и в наказание заставил их повторять все действия людей, лишив силы и собственного облика и превратив их в наши отражения. Но колдовское заклятие не вечное, и настанет день, когда чары его спадут и вход в наш мир для Зазеркалья снова будет открыт. Пробудятся его жители, сбросят оковы, постепенно вернут прежнюю форму, перестанут нам подражать и повторять наши движения. И вот тогда, когда между нашим миром и Зазеркальем не будет ничего, кроме хрупкой стеклянной преграды, нам придется очень непросто. Легенда гласит, что если мы услышим из глубины зеркал бряцанье оружия, то надо готовиться к войне и ждать худшего.

И стоит на далекой-далекой станции зеркало. Огромное – выше человеческого роста. Вроде бы и зеркало с виду, а ничего не отражается в нем! Поверхность у него мутная и черная, и ни одному источнику света не под силу разогнать этот мрак. Непросто добраться до этой станции, в туннелях такое творится... Но уж если попал человек туда, к зеркалу нельзя подходить, а тем более смотреться в него. Стоит лишь раз в него глянуть, изменится человек – злобным и агрессивным станет, будто вселяется в него кто-то. Говорят, зеркало высасывает

душу, а взамен помещает душу злобного существа из Зазеркалья. Пока сильно заклятие колдуна, это единственное место, где границу между двумя мирами можно нарушить, но только если человек подойдет и заглянет в зеркальную гладь.

Только сейчас Миша заметил сидящего поодаль Немова, небрежно опирающегося на АК. Оружие сталкерам разрешили оставить в виде исключения, хотя обычно после редких выходов на поверхность, бывших скорее необходимостью для жителей станции, его сдавали на хранение. Сталкер делал вид, что просто сидит без дела, отдыхает, но от любопытного взора Миши не укрылось, как внимательно и с интересом слушает он байки их коменданта. Вот она, возможность поблагодарить сталкера за чудесное спасение! Парень направился к нему. А Василий Петрович начал свою следующую историю – не такую страшную, даже со счастливым концом, чтобы сгладить впечатление от предыдущей сказки, ведь ребятишкам уже пора было спать, наступала ночь. Режим старались четко соблюдать – ночью спали, днем выполняли рутинную работу, необходимую для поддержания жизни станции. Время отслеживали по напольным механическим часам, которые с незапамятных времен притащили сталкеры из одного из рейдов.

Миша и эту сказку Василия Петровича помнил с детства. Куда интереснее и любопытнее было для него пообщаться с настоящим сталкером, пришедшим с другой, далекой станции. Ему не терпелось порасспрашивать бойца о жизни в метро, о его приключениях под землей и на поверхности, о встречах с тварями и мутантами (а они обязательно должны были быть!). Миша испытывал благоговение перед опытными сталкерами и благодарность за спасенную жизнь.

Немов заметил Мишу и кивком головы указал ему на пол, предлагая присесть рядом.

– Красиво рассказывает, складно, – махнул он в сторону коменданта.

Миша улыбнулся и затряс головой, счастливый от возможности поговорить со своим спасителем.

– Василий Петрович у нас на станции главный сказочник, да и вообще много всего знает.

– Да как сказать, не совсем это и сказки... Сказка – ложь, да в ней намек... – подмигнул сталкер Мише.

– То есть, это правда? И про драконов, и про зеркало? – Миша даже вскочил на ноги.

Мише пришло вдруг в голову, что Немов, может быть, встречал все это на поверхности или в метро, ведь он выглядел опытным бойцом, искушенным, так сказать, в делах метрошных. Может, и встречал он на своем пути существ, описанных Василием Петровичем, а может, и зеркало на далекой станции ему попадалось? А вдруг оно вытянуло из него душу, а взамен в теле грозного сталкера сейчас сидит душа существа из зазеркального мира? «Что-то меня понесло, – подумал Миша. – Ведь он спас меня, а зачем существу из другого мира спасать человека-врага?»

Немов усмехнулся. Словно прочитал его мысли.

– Да ты сядь. Про зеркало не знаю. А вот драконы и прочая ересь – это не совсем выдумки.

– То есть вы видели такое? Драконов, всех этих гигантов? – Миша в восхищении взглянул на сталкера. «Настоящая легенда передо мной, и жив остался после встреч с такими кошмарными созданиями!».

– Ну как сказать, Миша, – хмыкнул сталкер, – понимаешь, иносказательно все это, что ваш начальник рассказывает.

«И-но-ска-за-тель-но. Слово-то какое», – подумал Миша, повторяя его про себя. Он уже было собирался спросить, что оно означает, как Немов ответил сам, не дожидаясь вопроса парня.

– Видишь ли, под тремя братьями-драконами подразумеваются три части света: Азия во главе с Китаем – была такая страна, когда мы жили на поверхности, сильная держава – то есть дракон Лунь, наша страна – Змей Горыныч и американцы вместе с НАТО – то бишь Дракон ихний. А всех прочих тварей тоже легко объяснить: крылатые – это авиация, наземные – стало

быть, сухопутные войска, а морские чудища – флот. Вот и вся премудрость. А сказочные существа в итоге наложились на суровую действительность.

Миша не все понял из рассказа Немова, но главную суть ухватил. И сейчас сидел, осмысливал услышанное.

– А что такое Нату?

– Не Нату, а НАТО. Военный блок европейских стран. Был такой в свое время. Под дудку американцев плясал, хотя и заявлял, что независимый блок держав.

Немов замолчал. Миша тоже сидел тихо. Каждый думал о своем.

– Тебя-то что наверх понесло? – первым нарушил затянувшееся молчание сталкер. – Да еще в одиночку?

– Да так, было одно дело, – уклончиво ответил Миша.

– Ну-ну, – хмыкнул Немов, – дело, значит. Видимо, важное.

Миша кивнул.

– Я, кстати, поблагодарить вас хотел. За то, что спасли меня. Теперь я жизнью обязан вам, получается.

Немов махнул рукой.

– Ничем ты мне не обязан. Я – человек, и ты – человек, а значит, помогать должны друг другу. И так нас мало на земле осталось – вымирающий вид, динозавры двадцать первого века.

Они не заметили, как подошел Василий Петрович. Ребятишки отправились по палаткам, на станции наступала ночь. Потушили факелы на стенах, лишь потрескивал, догорая, костер у южных гермоворот, у которого недавно комендант травил байки. Да в южных туннелях в пятидесяти метрах от них горели костры дозорных ночной смены. Темнота окутывала станцию, не слишком-то светлую и в дневное время.

– Как плечо, Миша? – Василий Петрович показал на руку парня.

– Нормально, царапина. Быстро заживет.

– Ага, до следующего выхода на поверхность, – улыбнулся Немов.

– Ну уж нет, просто так одного теперь не отпущу – ишь чего удумал, наверх захотелось. Много у нас, что ли, мужиков на станции? А ты толком там ни разу и не был, – и комендант многозначительно потыкал пальцем в потолок.

– Ну, будет вам, Василий Петрович. Молодость – штука лихая. Все увидеть и потрогать хочется, – примирительно сказал сталкер.

– Забыл спросить, чего наверх-то полез? – повернулся к Мише комендант.

– Дела там у него. Важные, – ответил за парня сталкер. – На мир хотел посмотреть, себя показать.

– Эх, – отмахнулся Василий Петрович, – герой, тоже мне. Химзу испортил, не залатать. Станцию и меня переполюшил. Смутьян, одним словом.

– Ничего, Василий Петрович, вот если выгорит наше дело... – сказал сталкер и замолчал, глядя на тлеющие угли костра.

– Не будем загадывать. Когда, кстати, к соседям пойдешь?

– Завтра. С утра. Отдохну – и можно выдвигаться. Я своих оставляю на станции, пусть побудут здесь?

– Пускай, отчего же нет. Тебе сопровождающий нужен. Дам тебе кого-нибудь. А то у дозорных на Домодедовской много вопросов будет.

– Так давай я Мишу возьму?

Миша, все это время внимательно слушавший их разговор, но молчавший, удивленно уставился на Немова:

– Куда возьмете?

– Сопровождающим. На Домодедовскую. Объяснишь дозорным там и людям местным, что свой человек, – и Василий Петрович кивнул на Немова. – А что? Мысль. Толку-то от тебя

сейчас на станции – работать нормально не сможешь со своим плечом, а ноги вроде целы. Вот и проводишь человека.

– Решено, – махнул рукой сталкер. – Беру его с собой.

Миша обрадовался неожиданному подарку судьбы. Общество Немова ему нравилось, тот мог рассказать, что творится вокруг, в этих мрачных, тесных и сырых подземельях. Да и про поверхность парню не терпелось услышать.

– Ну как? Составишь мне компанию?

Миша кивнул и не смог скрыть сияющую улыбку. Его душа стремилась к новому, неизведанному. Сидеть на станции и выполнять без конца одну и ту же работу было скучно. При мысли о небольшом приключении на душе потеплело.

– Ну, договорились, значит, – вставая, сказал Немов. – Завтра утром в восемь выдвигаемся. Сам встанешь или будить придется?

– Встану, конечно, – ответил Миша. Он привык подниматься рано, часов в семь. В восемь обычно на станции начинался трудовой день. Он умывался, завтракал в столовой и шел на ферму или в мастерскую, где проводил ежедневно, кроме одного выходного, по семь часов. Затем заступала новая смена, и Миша отправлялся в учебку, где тренировал тело и дух. Вечер обычно был свободен.

– Значит, договорились. В восемь встречаемся здесь, у южных гермоворот.

Глава 3

Задушевные разговоры

Они шли медленно. Миновали дозорного на пятидесятом метре, с которым Миша перекинулся парой ничего не значащих фраз, зажгли от костра факелы и продолжили свой путь. Миша любил эти туннели, они были для него родными, он хорошо изучил здесь каждый камешек, каждую щель. И факел ему совсем не был нужен. Он мог спокойно добраться до Домодедовской и дальше по ветке до Красногвардейской в полной темноте. Но Немов взял несколько факелов, да и лицезреть своего спасителя и наблюдать за ним было интересно. Немов шел, всматриваясь внимательно под ноги и вдаль. Ему этот туннель не был знаком, сталкер оказался здесь впервые, и он, как и любой другой чужак, часто встречающийся на своем пути опасности, был настороже и привычно опасался неизведанной темноты впереди.

Ржавые рельсы отливали красным в свете факела, бесконечно уносились вперед, подгнившие шпалы, продавленные за два десятка лет многочисленными ботинками, благодарно отзывались шорохом на поступь ног.

Миша хотел о многом расспросить Немова, но не решался первым завязать разговор. Заметив, что парень не сводит любопытного взгляда с лица сталкера, боец усмехнулся:

– Так и дыру в голове моей прожжешь.

Миша смутился, поспешно отвел взгляд.

– Да шучу я, – потрепал по плечу парня Немов.

Миша скривился от внезапной боли, пронзившей перевязанное раненое плечо, и прикусил губу.

Сталкер заметил гримасу Миши:

– Извини, дружище. Забыл про твою рану.

И тут же добавил:

– Считаю, что прошел свое первое боевое крещение, а раз жив остался, то оно вышло удачным. Теперь девки проходу не дадут, ты же с такой тварюгой наверху встретился, а ничего, цел.

В туннеле было прохладнее, чем на родной станции, жар и чадаящая копоть от костров остались позади, уступив место сырому воздуху перегонных.

– Знаешь, Миш, когда я был в твоём возрасте, никогда не задумывался о будущем, жил беззаботно, строил планы, влюблялся. Казалось, я все успею, весь мир лежит передо мной. И вдруг этого привычного мира не стало.

Немов переложил факел из правой руки в левую, поправил лямку свисавшего через плечо рюкзака, из которого торчали запасные факелы, и повел широкими плечами.

– Порой, когда кажется, что хуже уже быть не может, с оптимизмом начинаешь смотреть в будущее. Будущее, которого нет... Вот такой вот получается парадокс. Каждый следующий день начинается с осознания того, что ты проснулся и все еще жив. Лампочки в сорок ватт и костры давно заменили солнечный свет, туннельные сквозняки – свежий ветер, а платформы и служебные помещения станций – уютные квартиры и дома наверху. Человек больше не властвует в мире, который лежит на поверхности, он проиграл битву за планету Земля, проиграл сам себе, но не остановился в своих стремлениях покорить себе подобных. В новом мире, ограниченном стенами и туннелями, пронизывающими земную твердь на сотни километров, мы продолжаем гнуть свою линию, убиваем друг друга, чтобы захватить новые станции, как будто мало нам общей опасности в виде мутантов и тварей с поверхности. Если бы ты знал, что потерял человек... Ты еще слишком молод, и тебе проще воспринимать окружающую действительность, поскольку ты не видел мой мир.

Так хочется снова увидеть летний дождь, посидеть на берегу реки, бросая камни в воду, почувствовать запах скошенной травы на лужайке, вдохнуть полной грудью свежий воздух. Так хочется... – голос сталкера дрогнул, – обнять ее...

Туннельные своды терялись в темноте, обрывки кабелей свисали со стен, тянулись вдаль нескончаемые, изъеденные ржавчиной рельсы.

Молчание затянулось, нарушаемое лишь звоном изредка падающих со сводов туннелей капель да потрескиванием факела, освещающего путь. Миша не знал, что такое летний дождь и запах травы, как он ни старался, но представить этого он не смог. Но боль от утраты родных и близких он уловил в голосе Немова – это чувство было знакомо практически каждому жителю катакомб и подземелий московского метро. Его родители... Отец, спину которого он видел на фотокарточке, и мать, давно сгинувшая в туннельных перегонах. А сколько еще людей погибло на поверхности во время вылазок или умерло от лучевой болезни! Все они стали близкими и родными для каждого обитателя станции Орехово за годы, которые жители провели в темноте, словно кроты, зарывшись в землю.

– Неужели люди выжили только здесь, в московском метро? – решил Миша задать вопрос, который мучил его уже очень давно, с малых лет.

– Не думаю. Миша, подземка есть и в других городах – не только в России, но и по всему миру. Это не считая многочисленных бункеров под землей с автономными системами вентиляции и дизельными генераторами. Кстати, встречал я людей, которые утверждали, что ловили сигналы от питерцев, а некоторые даже и разговаривали с ними. А один диковинный старичок в Полисе, которого многие считают уже выжившим из ума, рассказывал мне, что некоторые жители Подмосковья укрылись в пещерах рядом с их поселками. Полис однажды направил отряд бойцов к пещерам Съяны в Каширском районе, к югу от Москвы, в надежде найти выживших, но призрак Двумикой отпугнул сталкеров. Вернулся отряд измотанным, поредевшим и ни на что не годным. С тех пор зареклись туда вылазки делать. Что за чертовщина с ними там приключилась, никто толком объяснить и не смог. Только и повторяли, что видели призрак Двумикой.

– А почему ее так зовут?

– Легенда есть, что во время Великой Отечественной в бывшей каменоломне укрылись жители ближайших деревень, и даже госпиталь там устроили для раненых. Вот во время обвала одной девушке придавило половину лица плитой просевшей. Потом, уже после войны, повадились говорить дигтеры и прочие любопытные, которые встречали призрак, что в зависимости от того, какой половиной лица к тебе повернется Двумикая, можно ждать либо хороших, либо дурных новостей.

Заслушавшись, Миша чуть не споткнулся.

– Еще слышал я истории про город далеко на севере, Полярные Зори называется, – продолжал Немов, – недалеко от якобы уцелевшей после войны Кольской атомной электростанции.

– Вот это да! Настоящий город?!

Немов кивнул.

– Кто знает, что там на самом деле.

– Полярные Зори, – повторил Миша задумчиво, – какое красивое название. А почему же люди живут под землей, если можно жить в настоящем городе?

– А потому, Миша, что путь неблизкий и очень опасный, ты же своими глазами видел, что на поверхности творится. К тому же – а вдруг это всего лишь слухи?

Разговор с Немовым взволновал парня. Раньше он как-то не особенно задумывался о том, насколько громаден мир, вся его жизнь до недавнего времени определялась тремя станциями. Нет, он, конечно же, знал, как устроен земной шар, видел глобус в палатке Нины Ивановны, но никогда всерьез не верил, что где-то еще могут выжить люди.

– А что за предложение вы сделали Василию Петровичу? – Миша заглянул в глаза Немову, но темнота туннелей прятала его лицо. Сталкер усмехнулся.

– Любопытный ты, Миша. Ну что ж, давай так: я тебе расскажу про то, что я предложил вашему коменданту, а ты мне – зачем на поверхность полез. Договорились?

Миша кивнул.

– Хорошо. Как ты понимаешь, я не просто так здесь оказался, на вашей станции. Все-таки от Печатников, откуда мы пришли, далековато топать. А ищу я, Миша, проводника, который хорошо знает местность там, – он указал пальцем на потолок, – на поверхности. И именно к нему мы сейчас и направляемся.

– А зачем вам проводник? – голос Миши от волнения дрогнул.

– Здесь, недалеко от станции Орехово, в районе Бирюлево, была ранее войсковая часть, вот, надеюсь туда попасть. Рискованное мероприятие, но может оказаться выгодным, если все получится. Там можно найти и оружие, и дизель-генераторы, необходимые вам, надеюсь, они еще в рабочем состоянии, и кое-что еще.

– Ух ты! – воскликнул Миша. – Значит, если у нас все получится, мы наконец-то заживем нормально, как на других станциях метро?

– Если все получится, – неопределенно ответил Немов. И словно что-то вспомнив, нахмурился и кивнул своим мыслям. Но Миша в неверном свете одинокого факела в руках сталкера этого не разглядел. Парень уже представлял, как на станции появятся дизельные генераторы и тьма наконец отступит перед ясным светом электрических лампочек, как наладятся дела Орехово, как жизнь изменится в лучшую сторону. Но вдруг, вспомнив кое-что, Миша удивленно повернулся к Немову:

– Вот только не пойму одного – насколько я знаю, на Домодедовской нет таких хороших проводников по поверхности, наш комендант или Игорь Владимирович и то знают местность лучше.

Сталкер улыбнулся.

– А кто сказал, что мы будем искать проводника именно на Домодедовской?

* * *

– Стой, кто идет?!

– Свои, – крикнул Миша, сбавляя скорость и узнав по голосу дозорного – крепкого грузина лет сорока по имени Ваню.

– Ну, шагайте, если свои, – узнал Мишу дозорный.

– А это кто с тобой? – подозрительно косясь на Немова, спросил Ваню, когда путники подошли ближе. – Что-то я не признаю в нем одного из ваших.

– Не бойсь, он со мной. Важная миссия, – выпятив губу, произнес парень.

– Что за миссия, я не понял? Он же чужак, – с плохо скрываемым неодобрением загудел Ваню.

– Миротворческая, – улыбнулся Немов, пытаясь смягчить разговор. Но его слова только больше задели грузина:

– Знаем мы ваши миротворческие миссии! Только земли и способны у других ваши миротворцы отнимать. Абхазию...

– Тише, тише, – примиряюще поднял руку сталкер, успокаивая разбушевавшегося грузина. – Толку сейчас вспоминать об этом, мира прежнего уже не вернуть.

С минуту Ваню стоял, раздумывая, что ответить незнакомцу, а затем махнул рукой.

– Ладно, валите в свою миссию, хрен с вами. Ты, я слышал, на поверхность ходил, – сказал он, обращаясь уже к Мише.

– Было дело, – кивнул Миша, стараясь напустить на себя важный вид, – потом расскажу, сейчас некогда.

– Ла-адно, – протянул грузин. – Скучно тут, в дозоре, – вслух пожаловался он.

* * *

Домодедовскую называли так в честь подмосковного аэропорта, к которому от станции ходили в свое время автобусы и маршрутные такси. Отсюда можно было добраться также до Видного, Авиагородка или совхоза имени Ленина. В общем, станция являлась важным пересадочным пунктом. Но это было до войны. Сейчас это мало кого интересовало. Те, кто находился на станции в момент ядерного удара, застряли здесь навсегда. Навсегда в промежуточном пункте, между точкой А и точкой Б, как говаривал Игорь Владимирович.

Станция не имела надземного вестибюля, в отличие от Орехово. Выход в город сталкеры осуществляли через единственный уцелевший подземный переход рядом с ТЦ Домодедовский. В свое время недалеко от станции было множество торговых центров и магазинов с большим ассортиментом, куда теперь отправлялись на вылазки смельчаки, которые в шутку называли свои рейды «сходить за покупками». Походы в магазины не всегда проходили спокойно и без происшествий. Новых жильцов, облюбовавших поверхность и здания в округе, именовали домовыми, всех одинаково, несмотря на различия во внешнем виде и повадках – прозвище закрепилось за ними благодаря названию станции.

На полу все еще можно было, правда, уже с трудом, разглядеть рисунок – полоски из чёрного и серого гранита. На стенах чудом уцелели два медных панно, посвященных гордости некогда великой и могучей страны, опять же по словам Игоря Владимировича, – советской авиации. На них были изображены летящие самолеты разных видов и люди, спешащие в аэропорт. Особенно Мишу впечатляла мама, тянущая за руку сына и обернувшаяся назад. Картина напоминала парню о его матери. Миша любил разглядывать самолеты и представлять, как они бороздили небо, рассекая своими крыльями воздушные потоки. Сама мысль с трудом укладывалась в голову, но благодаря рассказам взрослых Миша немного представлял себе, что такое полет на механической птице.

На одном панно были изображены также какие-то летающие мутанты. Игорь Владимирович как-то обозвал их словом «чайки», сказав, что эти живые существа часто вили гнезда рядом с человеческим жильем. Чайки Мише не понравились – хвост у них раздваивался, словно язык жалящей змеи, и выглядели они не сказать, чтобы приветливо.

Мощности единственного генератора с трудом хватало, чтобы обеспечить работу насосов и фильтров на станции и у соседей, поэтому основным источником освещения были костры. Палатки ютились в пролетах между колоннами, занимая почти все проходы к путям. На Домодедовской была свиноферма и грибные плантации. Некоторые старожилы утверждали, что свиньи очутились здесь, под землей, благодаря совхозу имени Ленина, благо он был недалеко – нашлись смельчаки, доставившие их на станцию. Но точно этого уже никто не помнил. Существовала на станции и полиция – они же по совместительству совершали рейды на поверхность. В одну из первых вылазок сталкеры нашли несколько не фонащих комплектов формы полицейских на каком-то полуподвальном складе. Как шутили жители станции: «У нас полицейское государство». В остальном все было так же, как и на Орехово – суровая тяжелая жизнь. В общем, жили, как могли.

* * *

Миша проводил Немова до подсобных помещений – сталкер изъявил желание пообщаться с комендантом станции Домодедовская.

Справившись у проходящего мимо человека в форме – сурового начальника полиции станции Бориса Михайловича, коренастого мужчины с густыми усами, на месте ли комендант, и перекинувшись с ним парой слов, Немов обернулся к парню:

– Мишаня, ну ты подожди меня немного, я долго не буду. Поговорю с комендантом и пойдем дальше. Лады?

Миша кивнул.

Они договорились встретиться на платформе станции минут через двадцать.

Чтобы скоротать время, Миша решил пройтись по местному рынку, если можно было так назвать десяток прилавков с нехитрым скарбом: одеждой, простейшими инструментами, стареньким оружием, прочими вещами, необходимыми для хозяйства. У одного из прилавков сгрудилось много покупателей – по большей части тех, у кого закончилась утренняя смена, или тех, кто направлялся в местную столовую на обед. За прилавком стоял мужичок, худенький, с жиденькой бородкой, и о чем-то оживленно рассказывал потенциальным клиентам. На прилавке лежала всякая всячина – от гвоздей, бечевки и заржавевшей мясорубки до предметов одежды. В руке продавец держал бензиновую зажигалку (Миша видел такие у тех редких транзитных караванщиков, что иногда забредали на южные станции зеленой ветки). Стоила она целое состояние. На зажигалке угадывалась какая-то звезда. Миша протолкался поближе к прилавку.

– Прям уж на настоящем мотоцикле? – с сомнением в голосе спросил один из толпы.

– Вот тебе крест, – продавец осенил себя и продолжал:

– Лично встречал. На старенькой «ямахе». Как у них там называется? Чоппер, кажись. Так вот, выручил я его тогда, топлива подогнал, а он мне зажигалку эту и подарил. Брутальный такой мужик, на него взглянешь и сразу поймешь, почему такие еще живы. Да любая нечисть его стороной обходит. А чоппер его – так вообще верх искусства, железными листами по бокам обшит для защиты ног, впереди стекло высокое, обтекаемое и пуленепробиваемое, рама из стальных труб, из ободьев колес штыри какие-то торчат на ножи похожие. Не мотоцикл, а ударный истребитель.

– Ты, наверное, его в туннелях повстречал, – снова встрял тот же мужик из толпы. Сказал и заржал, как старая кляча.

Продавец взглянул на него с неприязнью, но сдержался и вслух произнес:

– Отчего же в туннелях? С караваном лет восемь назад Ясенево проходили, тогда еще живность на поверхности не так нагнела. Ну и повстречали его на Калужском шоссе, недалеко от станции.

– Слышал я, на Ясенево они все и обитают, байкеры эти, – подал голос кто-то из толпы. – Может, он один из них.

– Да непохоже, – задумчиво проговорил продавец. – По всему было видно, что он одинок. Может, по нужде к ним какой заезжал или по делу. Те ведь ребята рейдерами зовутся, хитрожопые они дюже. Да и байки их отличаются от старых, классических – трех- и четырехколесные они. По слухам, там целая банда не очень приятных парней, хладнокровные убийцы, одним словом. А этот показался мне прямым и честным парнем. Не было причины ему не верить. По его словам, он проездом был, в поисках топлива в Москву завернул, так он обычно в стороне от крупных городов держится – говорит, на открытой местности шансов у него выжить больше. Ну да с таким зверем, железным другом, от любой опасности скрыться можно. Да и дробовик за его спиной я разглядел, и ножи всякие на поясе, а на бедре топорик в чехле. Думается мне, такими ручищами, как у него, он этим топориком аки ножичком для овощей управляется.

– А дальше-то что? – еще один голос из толпы.

– Дальше? – нахмурил лоб продавец. – А ничего, бак заправил, емкости позади тоже заполнил топливом – он там запасы хранит в канистрах, приваренных к раме. И укатил, поры-

кивая двигателем. Показался он мне грустным очень, ну да у всех нас жизнь невесела. Напоследок зажигалку всучил мне, мол, не привык он задаром.

– Мирон, брось заливать, уж мы тебя знаем. Чтобы ты, да столько топлива на зажигалку выменял, эх...

Толпа стала редеть. История, рассказанная продавцом, никого не впечатлила. День был в самом разгаре, и люди заторопились по делам, и так потеряли много времени на бесполезную байку.

– Хотите верьте, хотите нет, – уже тише пробормотал Мирон, – а правда все это. И верю я, что ездит где-то сейчас по дорогам одинокий байкер на своем железном коне, будто ищет чего-то. А может, кого-то. И несчастлива та тварь окажется, которая встанет на его пути.

Миша представил огромного мужчину с дробовиком на двухколесной дрезине, разъезжающего по поверхности и отстреливающего мутантов. Если он действительно существует, то Миша не завидовал тому, кто решит перейти байкеру дорогу.

– А как он на поверхности, там ведь радиация? – решился он задать вопрос продавцу.

– Так он в респираторе был, не дурак же все-таки. И, я так понимаю, больших городов он старается избегать, промышленных зон всяких. А вдали от них и фон почище будет, наверное.

Миша уже остался практически совсем один перед прилавком.

– А почему зажигалка? – спросил парень.

Продавец осмотрел Мишу с головы до ног.

– Боюсь, паря, денег не хватит.

– А ты не бойся, говори, сколько стоит, – раздался голос из-за спины. Миша не заметил, как подошел Немов и прислушался к их разговору.

– Двадцать пять патронов.

– Двадцать пять? Не многовато ли?

– Раритет, – пожал плечами Мирон.

– Давай за двадцать, – сказал Немов, отсчитывая патроны.

Сделка состоялась, продавец решил не торговаться.

– Держи, – протянул Немов зажигалку Мише, когда они отошли от прилавка.

– Я... не могу принять, – растерянно ответил парень. – И так за спасение обязан.

– Мы вроде как все выяснили по этому поводу. Никто никому ничего не должен. Хорошо, пусть это будет моей платой за то, что ты меня сопровождаешь. Ведь за услуги принято платить, так?

Миша смущенно кивнул.

Немов хмыкнул и мотнул головой в сторону южного туннеля.

– Ну, двигаемся дальше?

Они прошли мимо ряда палаток, стоящих на платформе. Здесь все было, как и на Орехово – такие же закопченные стены, такие же факелы по периметру и костры у входов в туннели. Возле одной из палаток сидел человек с гитарой в руках, наигрывая мелодию, и еле слышно пел вполголоса.

– Не обращайтесь внимания, – шепнул Немову Миша, – он немного того, – и он покрутил пальцем у виска. – Много лет назад, уже после Катастрофы, его в перегоне нашли, откуда он там взялся, никто так и не понял. Он нес какую-то чушь про гигантское колесо под землей, которое крутил много лет вместе с другими такими же узниками, и что метро – на самом деле живой организм, подчиняющий себе волю людей и высасывающий их жизненные силы, оно управляет нами, и то, что произошло с людьми – его рук дело, чтобы человек навсегда остался в плену своего хозяина и не было бы возможности никуда выбраться и сбежать. Единый вселенский организм Метро – не просто сеть подземных туннелей, а нечто большее, паутиной оплетшее землю, соединенное канализациями и подземными коммуникациями, трубами и туннелями,

кабелями и катакомбами. Вот такую чушь он нес. Потом успокоился, все равно никуда отсюда не деться.

– Интересная легенда, – задумчиво проронил сталкер.

Они миновали человека с гитарой, выведившего слова песни, принадлежащей миру прошлого. Хриплый голос рассказывал про генералов и их детей, про землю, лежащую в ржавчине, и церкви, смешанные с золой, про поезд в огне и про то, что пора возвращать землю себе...

Опять потянулись ржавеющие шпалы, мрачные своды туннелей, обрывки кабелей и проводов на стенах.

Они снова вернулись к разговору, так неудачно прерванному дозорным Ваню на подступах к Домодедовской.

– Есть еще кое-что, – голос Немова стал заметно тише, будто он боялся, что стены тоже могут слышать. – Об этом знает пока не так много людей, хотя это не бог весть какая тайна. На тебя ведь можно положиться?

Миша энергично закивал. Мысль, что ему сейчас доверят важную тайну, заставила сердце забиться сильнее. «Только бы не передумал», – мысленно торопил собеседника парень. Но Немов отчего-то медлил, словно решал, стоит ли довериться Мише. Наконец, решение, судя по всему, было принято. Немов заговорил, и сказанное поразило Мишу до глубины души, откуда-то изнутри накатила волна дикого восторга.

– Года три назад мы подобрали на поверхности еле живого, изнуренного мужчину. Им оказался тот самый человек, которого мы сейчас ищем. Он рассказал нам много удивительных вещей. Не буду сейчас пересказывать все его злоключения, подробно остановлюсь лишь на одном. Судя по его словам, он долгое время жил в бункере войсковой части в Бирюлево. Бывшей войсковой части – ее закрыли незадолго до войны. Через некоторое время он остался там совсем один – все его товарищи по несчастью погибли. Вот он и решился на отчаянный шаг – в одиночку пробраться через Царицынский парк. Удивительным образом ему повезло – звезды так сошлись, видимо, хотя в судьбу я не очень-то верю. Так вот, удалось ему уцелеть и пройти через парк, а затем и добрести вдоль железной дороги до района Люблино. Я со своими ребятами как раз совершал рейд по поверхности, когда наткнулся на него. Мы его чуть не застрелили, но вовремя распознали, что перед нами самый обыкновенный человек. А он лишь молча смотрел на нас и не делал ни малейшей попытки заговорить. Доставили мы его в таком шоковом состоянии на станцию, наши врачи кое-как выводили его. Что удивительно, он и сам врачом оказался. Это, как понимаешь, – Немов посмотрел на Мишу, – только предисловие. Наличие одной лишь бывшей войсковой части вряд ли заставило бы руководство Конфедерации Печатников отправить экспедицию и почему зря рисковать своими людьми. Тут мы и подбираемся к самому главному.

Врач рассказал нам, что за время жизни в бункере он облазил территорию войсковой части вдоль и поперек. И в одном из ангаров натолкнулся на дирижабль с необходимым оборудованием! Миша, ты знаешь, что такое дирижабль?

Миша неопределенно мотнул головой. В книгах он встречал упоминание об этом аппарате, знал, что на нем можно передвигаться по воздуху. Наверное, похож на тех летучих тварей, властвующих наверху и терроризирующих город, – вичух.

– В общем, Миша, дирижабль – это воздухоплавательный аппарат. Этакая вытянутая оболочка, наполненная газом-гелием, который позволяет ему держаться в воздухе. Под оболочкой крепится кабина для экипажа, а управляется аппарат с помощью винтовых двигателей.

– Слова врача, – рассказывал дальше Немов, – подтверждались и недавно найденным в одном из разграбленных архивов на поверхности документом – договором между войсковой частью и Межгосударственным Авиационным комитетом о том, что во временное пользование части предоставляется дирижабль для выполнения на ее территории работ по демонтажу невоенного оборудования и переброске его в другие части и на склады. В документе было ска-

зано, что это еще одно контрольное испытание летательного аппарата комитетом. Вот, наверное, война и застала дирижабль в ангаре на территории войсковой части. А массивные ракетные удары обошли уже недействующую войсковую часть стороной.

Но и это еще не все. Через некоторое время врач, оклемавшись, исчез. Вместе с одним из караванов он пропал на станции зеленой ветки. Вы, наверное, слышали о враче-затворнике, который живет в сбойке между Красногвардейской и Алма-Атинской? Так вот это и есть тот самый необходимый нам проводник. Он-то нам и нужен.

Миша, безусловно, слышал о нем, хотя лично и не встречался. Нелюдимый и неразговорчивый врач вел отшельнический образ жизни. По слухам, у него был тайник с запасом медикаментов, к нему время от времени приходили люди, за антибиотики и лечение приносили ему еду, воду и прочие необходимые вещи.

– Конечно, молва о нем дошла и до Печатников, – продолжал Немов. – Мы знали, где можно найти нужного нам человека. А не так давно, когда я был на очередном задании, руководство станции поймало радиосигнал от выживших из Калуги. По довоенным меркам всего ничего – полтора часа на машине, под боком, так сказать. Но теперь попробуй, проберись через сто семьдесят километров враждебной территории. Вот и вспомнили про дирижабль. План на первый взгляд кажется фантастичным – добраться до Калуги на дирижабле, который не использовался уже двадцать лет. Но мы просто обязаны попробовать. Вот руководство и организовало экспедицию.

Миша не верил своим ушам. Он уже твердо решил, что во что бы то ни стало должен оказаться в составе экспедиции, и теперь мучительно соображал, как уговорить Немова взять его с собой. Покорить небо – взглянуть вниз с высоты птичьего полета – разве не об этом мечтает любой мальчишка? Об агорафобии, приступ которой он совсем недавно испытал, Миша забыл сейчас напрочь. А Немов все говорил и говорил.

– Москва стала сплошной аномалией. Где это видано, чтобы такое разгуливало по поверхности, что и в страшном сне в прежние времена не снилось? Тьма – вот новый повелитель мира. Мы вернулись на тысячелетия назад, в каменный век, и теперь снова вглядываемся с тревогой и страхом во мрак, который не способен разогнать огонь одинокого костра. Первобытные страхи стали реальностью, всепоглощающее чувство ужаса – нашим постоянным спутником. Мы так долго пытались выползти из своих нор на свет, столько приложили сил и времени, чтобы построить светлый мир для наших детей, а потом с легкостью за мгновение загнали себя обратно. Человек не меняется, он привык рушить то, что сам и строил столетиями – такова его сущность. Им всегда руководил страх. Страх быть непризнанным, отвергнутым, брошенным, высмеянным, уличенным во лжи, пойманным, растерзанным. А страх перед смертью в итоге стал пособником смерти. Есть лишь один способ выбраться из этого ада – убить тьму в своей душе.

Я цепляюсь за жизнь, хотя что мне в этой жизни? Все настоящее осталось там, позади, и его уже не вернуть. Я привык не сдаваться перед обстоятельствами, пытаться их побороть, и эта привычка помогает мне жить сейчас.

Немов посмотрел на шагавшего рядом Мишу, невидящий взгляд скользнул по лицу, макушке парня, не задерживаясь ни на чем, пробежал по заплесневелым стенам и снова уткнулся в пол. Шаги гулко отдавались в сгустившейся темноте. Шаги обреченного, но не сдавшегося человека. Немов снова заговорил:

– Думаешь, Миша, выжившие там действительно есть?

Миша смутился.

– Но вы же сами... Радиосигнал и все такое.

– Да, радиосигнал был, хотя я его и не слышал – был на задании. Но как знать, может, это запись, которой уже несколько лет?

Мише нечего было ответить на вопрос Немова. Он лишь понурил голову и решил, что вся затея с дирижаблем выглядит чересчур фантастично.

– И что же теперь?

– Теперь, Миша? Приказа никто не отменял. Критическая точка давно пройдена, в чудесное избавление верить уже не приходится. Но... – тут голос Немова дрогнул, – пока есть хоть малейшая возможность, я буду стараться что-то изменить. Что-то исправить. Что-то попытаться сделать. Сидеть на месте и ждать у моря погоды – не для меня.

Голос Немова внезапно стал хриплым.

– Я все потерял там, – сталкер погрозил потолку туннеля, – все, для чего я жил, и всех... Единственная моя цель сейчас – хоть немного исправить то, к чему и я приложил руку. Мы все раньше упивались могуществом, свободой, играли мускулами. Заигрались и перешли Рубикон.

Миша удержался от вопроса, что же такое Рубикон. Ему не хотелось перебивать сталкера, да и умом он понимал, что лучше этого не делать. Немов будто ушел в себя, и даже несколько раз споткнулся о шпалы, но, казалось, не заметил этого.

– Судьба странным образом хранит меня, но я не понимаю, зачем я ей нужен. Я кидался в такие авантюры, хватался за самые опасные задания, но каждый раз возвращался целым. Нет, конечно, несколько раз я был на волосок от гибели, чувствовал ее смрадное дыхание на лице, но всякий раз я выходил победителем. Наверное, у меня есть миссия, которую надо выполнить. Лишь тогда меня освободят.

Я часто задаю себе один и тот же вопрос, который не дает мне покоя. В непроглядной тьме опостылевших сырых колодцев, перегонов и станций я ищу ответ на него, но не нахожу. Лица случайных встречных или путников, бледные и изможденные, с печатью страдания и боли, не могут помочь мне в этом.

Немов мыском ботинка поддел камешек под ногами, и тот звонко отскочил от рельсов. Звук словно заставил Немова отвлечься от размышлений вслух, и он замолчал, нервно пригладивая короткий ежик на затылке.

– Какой вопрос? – не выдержал Миша.

– Вопрос... – рассеянно повторил Немов. – Ах, да... Вопрос мучает меня давно, и ответа я так до сих пор и не узнал. А суть такова: можно ли умереть еще раз, если однажды уже умер?

Эти слова напугали Мишу, хотя он не понял почему.

* * *

Красногвардейская отличалась от близлежащих станций. С первого взгляда можно было заметить полное отсутствие женщин и детей. Станция служила своеобразным форпостом перед южными туннелями, ведущими в неизвестность, и переходом в центре на соседнюю заброшенную станцию Зябликово. Все выходы охранялись тщательнее, в отличие от Орехово и Домодедовской, где стояли на посту скорее формально. И пусть за двадцать лет не произошло ничего серьезного, оборона границ являлась первостепенной задачей. Палаток здесь было немного – в основном, дозор несли жители Домодедовской, ну, и те немногие, что все-таки обитали на станции – сталкеры-одиночки.

Раньше на поверхности рядом с Красногвардейской была междугородняя автостанция, поэтому среди ее нынешних обитателей встречались не только коренные жители столицы. В первые дни красногвардейцы растащили весь багаж автобусов. Какого только барахла там не было – от хрустального сервиза, который, видимо, везли кому-то в подарок, и удочек для рыбной ловли до бытовой техники и телевизора. Впрочем, многое, что раньше имело бы ценность, – в подземке было лишь никчемным мусором и барахлом.

Станция имела два подземных вестибюля и четыре выхода на поверхность, один из которых обвалился, – на Ореховый бульвар и улицу Ясеновую. Стены были облицованы крас-

ным закопченным мрамором, пол – из серого гранита. Над головой темнел полукруглый свод, отчего станция казалась выше своих собратьев по ветке, колонн здесь не было. Углубления квадратной формы на потолке придавали Красногвардейской особую выразительность. В торцах зала еще можно было рассмотреть витражи на тему революции, о которой в свое время рассказывал Мише Игорь Владимирович. На одном из барельефов под лозунгом, потерявшим всякий смысл – «Вся власть Советам», была изображена Спасская башня Кремля в свете восходящего солнца. После рассказа Немова про кремлевские звезды Миша с опаской поглядывал на это изображение. Парень не считал себя очень впечатлительным, но сияющая каменная звездочка вызвала теперь неясную тревогу. На другом панно были выведены крупно цифры 1917 и надпись: «Красная Гвардия». Видимо, от нее станция и получила такое название. Чем занималась Красная Гвардия и почему бы ей не быть зеленой или синей, Миша не знал. Может, охраняла те самые звезды Кремля, которые также, по слухам, были красными. Еще на витраже был призыв, который почти стерся, о том, что кому-то и где-то надо собраться или соединиться.

Непосредственно за станцией были расположены тупики, а туннели вели дальше, к заброшенной Алма-Атинской.

На станции Немова и Мишу встретили подозрительно. Сталкер сунул дородному детине, остановившему их, бумажку – разрешение на проход от коменданта Домодедовской. Тот долго ее изучал, вчитывался, его губы шевелились, разбирая слова на листке, у Миши даже закралось подозрение, что читать как следует здоровяк не умеет. Наконец бумажку вернули. Охранник оглядел с ног до головы сначала Немова, потом, с меньшим интересом, – Мишу и коротко кивнул:

– Проходите.

Они задержались на Красногвардейской, решив пообедать в местной столовой – полевой кухне, расположенной прямо на платформе. За грубо сколоченными столиками почти никого не было – лишь за соседним расположились двое мужчин, потягивая из кружек напитков, напоминавший по запаху бражку.

Заказав грибную похлебку и подозрительное на вид жаркое и расплатившись четырьмя патронами, Немов и Миша в ожидании присели за столик. Бросив на них быстрый взгляд, компания за столиком рядом продолжила что-то живо обсуждать вполголоса.

Миша прислушался.

Мужчина, одетый в ватник, с сальными волосами и выщербленным ртом хриплым голосом рассказывал собеседнику:

– Да честно тебе говорю, своими глазами видел, зуб даю.

– Не стоит так легко разбрасываться зубами, и так у тебя их почти не осталось, – хмыкнул его собеседник, коротко стриженный крепыш. – Жевать чем будешь?

Щербатый взмахнул театрально руками.

– Не ожидал, что ты мои слова под сомнение поставишь. Видел я, правда.

Крепыш покачал головой:

– Все, кто Язя встречал на своем пути, выжить не смогли. Потому никто и не знает, что это такое. Люди крепкие погибали, настоящие бойцы. А ты себя в зеркало-то видел?

– Ну, как знаешь. Но я видел, – упрямо твердил Щербатый, не обращая внимания на колкости крепыша, – в Борисовских прудах. Язь самый настоящий. Здоровенный такой. Чудом спастись мне удалось. Хотя разумом моим он чуть не завладел тогда, насилу дурман отогнал и еле ноги унес. Вот это тварюга! – почти в восхищении вымолвил мужчина.

– Да ладно заливать-то, все знают, какой ты сказочник.

Мише так и не удалось понять, о чем же говорил один мужчина другому, поскольку начала разговора он не слышал, поэтому вскоре он утратил интерес к говорившим.

Управившись с обедом и потягивая пахучий грибной чай, он не заметил, как к ним подошел человек, и вздрогнул, когда услышал голос за спиной:

– Лейтенант Шелудько. Ваши документы?

Немову пришлось снова показывать письменное разрешение коменданта на проход через станцию.

Лейтенант, лет пятидесяти на вид, чисто выбритый и подтянутый, несмотря на то, что форма была порядком изношена, развернул бумагу. Был ли он военным в прошлой жизни или достал форму уже позже, например, во время одного из рейдов на поверхность, понять было сложно, а спрашивать не особо хотелось. Но военная выправка у него присутствовала – видно было по каждому движению. У лейтенанта оказалось все в порядке с грамотностью, поэтому, быстро взглянув на бумажку, он сразу вернул ее обратно.

– С какой целью? – он, видимо, был мастером коротких реплик и не считал необходимым распыляться на лишние слова.

– Ищу человека, – так же коротко ответил Немов, выдержав пристальный взгляд лейтенанта.

Тот кивнул.

– Здесь или транзитом через станцию?

Сталкер махнул рукой в сторону туннелей.

Лейтенант снова кивнул.

– Отдам распоряжение, чтобы вас пропустили на посту, – он развернулся и стремительным шагом направился к укрепленным выходам со станции.

* * *

Блокпост, сложенный из мешков с песком и ошетилившийся пулеметом «Корд» с лентой патронов, выглядел внушительно. Дозор несли четверо – один за пулеметом и трое с «калашами». С виду нормальные ребята, дозорные вопросов не задавали – о гостях, видимо, уже доложили. Лишь парень за пулеметом нахмурился и покачал головой:

– Отчаянные вы. Я бы не стал соваться в эти туннели. Кто знает, что там творится сейчас. Ничего серьезного вроде бы не лезло к нам до сих пор, но шорохи и звуки постоянно доносятся.

– Справимся, – ответил Немов. – Может, это всего лишь сквозняки гуляют да крысы бегают, а вы тут и понапридумывали. Сам же говоришь, никто за двадцать лет не беспокоил.

Дозорный лишь пожал неопределенно плечами, мол, «как знаешь», и потерял к ним интерес.

Туннель принял их настороженно. По мере удаления от блокпоста на душе становилось неуютно, хотя чувства опасности не было. Свет факела тускло отражался в проржавевших шпалах и стенах, кое-где покрытых мхом. Видно было, что туннели давно не использовались, человеческая нога не ступала здесь годами. Немов сверился с показаниями дозиметра – фон был нормальным, недоверчиво осмотрел стены. «Вроде мох как мох. Ничего необычного». А вслух произнес:

– Да-а, ну и место себе выбрал врач-отшельник.

Глава 4

Проводник

– Люди не принимают его, он отпугивает их своей странностью, – рассказывал Немов. – Чего только про него не рассказывали. Злые языки поговаривали, что он связался с темной стороной и может украсть душу человека. Слышал я истории и про то, как он стал то ли вампиром, то ли оборотнем. В общем, молва постаралась. Последний раз его видели где-то недалеко от заброшенной станции Алма-Атинская.

– Вы верите в эти истории? – спросил Миша Немова.

– Я верю только в то, что вижу, – сказал сталкер. – Возможно, отшельник сбрендил. Мозги поехали. Но все равно он нам очень нужен. Системообразующий для нашего мероприятия человек.

Они давно миновали усиленный кордон на Красногвардейской. Свет факела в руке сталкера выхватывал обрывки кабелей, свисающих вдоль стен, заросших мхом, отчего мрачное подземелье выглядело еще более неудобно, пугающе. Впереди – бесконечные тубинги туннелей, шпалы, теряющиеся в темноте. Немов то и дело сверялся с показаниями дозиметра, но прибор молчал всю дорогу.

Миша раздумывал над словами сталкера. А что, если и правда существует неведомая людям темная сила? Темнота и свет факела рождали тени, и парню казалось, что за ними неотступно кто-то наблюдает. «Да это все байки, – сказал сам себе Миша и для пушей убедительности потрянул головой, отгоняя наваждение. – Нет никакой темной стороны, ни оборотней, ни какой-то другой силы. Только горстка людей в метро да мутировавшие создания Верхнего мира, новые хозяева поверхности».

– Вижу, мои слова произвели на тебя впечатление? – усмехнулся Немов, нарушив затянувшееся молчание.

* * *

Туннель вел прямо, и идти по нему было легко. Затем последовал плавный поворот, пути сворачивали налево. Внезапно Немов резко остановился. Его рука схватила Мишу за плечо, заставляя притормозить. Впереди, в пяти метрах от них, в стене туннеля темнел небольшой провал с неровными, словно обгрызенными, краями. Шпалы, пол и стены рядом с отверстием были покрыты какой-то мерзкой слизью, слабо светящейся в темноте. Немов, осторожно ступая, приблизился к дыре, заглянул, подсвечивая факелом.

– Похоже, на какое-то убежище, нору... – пробормотал он.

Стоп! Нора! Он вспомнил рассказ чудом уцелевшего сталкера с Полиса – одного из тех, кто был в группе, направлявшейся на поиски выживших в пещерах в Подмоскowie. Он утверждал, что в южных туннелях московского метро водятся странные создания, похожие на жаб, только огромного размера, плюющиеся ядом, язык которых разил будто плоть и оставлял химические ожоги на теле. Кажется, он называл их голиафами. «Побыстрее убраться отсюда», – мелькнула мысль. Но тут в глубине небольшого проема сверкнули в свете факела выпученные зеленые глаза, явно принадлежащие не человеку.

– Уходим, быстрее! – крикнул сталкер, уже не таясь, и, схватив Мишу за руку, буквально поволок того прочь от норы дальше по туннелю.

Миша, бросив взгляд через плечо, с ужасом увидел, как нечто огромное, скользкое и вонючее выбирается из проема в стене. Недовольно оглядев пространство, чудовище устави-

лось на стремительно удаляющиеся спины. Сфокусировав взгляд, тварь издала устрашающий рык, обнажив ряд острых зубов, выбросила вперед длиннющий язык. А затем...

С легкостью оттолкнувшись от поверхности, тварь перемахнула добрый десяток метров, разом сократив отставание от них. Она была мерзкого ядовито-зеленого цвета, ее кожа была покрыта то ли буграми, то ли выростами, особенно заметными вдоль спины, в круглых глазах, казалось, отсутствовала хоть какая-то мысль, в них был заметен лишь голод. Всепоглощающий неземной голод. Вдруг тварь выплюнула сгусток какой-то слизи – он пролетел в нескольких сантиметрах над головой Миши и попал в стену, резко зашипев от соприкосновения с поверхностью.

– Это яд, – крикнул на ходу Немов, – если хоть капля попадет, мы – не жилыцы!

Обернувшись, он скинул автомат с плеча и выпустил короткую очередь. Пули не причинили сколь-нибудь значимого вреда огромной мутировавшей лягушке. Наоборот, казалось, это еще больше разозлило ее. Снова оттолкнувшись от пола, она совершила очередной прыжок и оказалась прямо за спиной у беглецов, так нагло вторгшихся в ее владения.

– Стреляй по глазам, – крик Немова потонул в громоподобном реве.

Миша вскинул ПМ, выданный ему перед входом в туннель Немовым, и, целясь в левый глаз, выстрелил. Глаз, маячивший всего в паре метров, противно лопнул. Вязкая жидкость вытекла на морду твари, она мотнула головой от боли, ткнувшись в стену, и издала звук, больше похожий на визг, заложивший уши. Тут же сталкер вскинул автомат и прострелил второй глаз голиафа.

– Уходим, – он снова схватил Мишу за руку и потащил в глубь туннеля.

Сзади разъяренное животное, сходявшее с ума от боли, слепо тыкаясь в стены, не думало отставать, преследуя бегущих путников. Несмотря на слепоту, оно медленно, но верно настигало их благодаря могучим ногам, которые с легкостью отрывали тушу от земли и проносили в воздухе несколько метров.

* * *

К нему приближались двое. Топот ног звучал все явственнее. Кто эти незваные гости, и зачем они здесь? Каковы их намерения? Почему они так бесцеремонно заявляют о своем появлении? Разум подсказывал, что это чужаки, которые здесь раньше не бывали, иначе они не стали бы так шуметь. Интуиция редко подводила его. Вот уже два года он жил отшельником в заброшенном туннеле, страдая от одиночества, но не желая ни на что променять это самое одиночество – уставший человек в ожидании смерти, которая постоянно следила за ним, но отчего-то не торопилась взмахом своей косы оборвать жизнь бедняги. Костлявая словно издевалась над мужчиной – каждый раз, уже занеся оружие неумолимой судьбы, вдруг меняла решение по одной только ей ведомой причине. Так случалось не раз с тех пор, как он спустился в убежище-бункер на территории войсковой части, затерянной в Бирюлевском лесу. С того момента его судьба сделала причудливый виток, подвергла его удивительным и жутким испытаниям, но по-прежнему держала его на коротком поводке.

Сергей Вильдер – а так звали в прошлой жизни врача-отшельника – и сам не понимал, почему так упорно цепляется за жизнь. Смысла в своем существовании он не видел никакого. Он потерял все, что было в прежней жизни – семью, работу, друзей, он сторонился людей, но, тем не менее, почти с маниакальным упорством Сергей жил. Жил вот уже двадцать лет новой жизнью. Душевная боль стала его постоянным спутником. Он привык к ней, как привык к мрачным стенам, сковывавшим его под землей, к спертому воздуху и отсутствию света.

Вой сирен двадцатилетней давности, крики и давка – все смешалось в голове еще молодого тогда, двадцативосьмилетнего мужчины. Он обнаружил себя сидящим на асфальте, схватившимся руками за голову, раскачивающимся под вой сирен и постоянно повторяющим одну

и ту же фразу: «Это конец». Кто-то грубо схватил его за руки и рывком поставил на ноги, последовала пара оплеух, приведшие Сергея в чувство. Если не это, он так бы и остался сидеть там, пока не загнулся бы от лучевой болезни. В тот день Сергей находился в закрытой недавно войсковой части, где ранее проходил службу, в военном городке, куда он приехал к коллеге-врачу. Вместе с другими он и спустился в бункер на территории части. На тот момент завершались последние работы по демонтажу оборудования на территории, большинство жителей военного городка уже передислоцировались в другое место, поэтому людей было немного – несколько десятков человек.

Три дня он провалился в глухой комнатухе, прекрасно понимая, что жизнь его потеряла всякий смысл. У Сергея был жар, и он бредил. В минуты мнимого просветления он молил небеса о скорейшей смерти, ведь, будучи врачом, прекрасно понимал, что смерть – лишь вопрос времени.

Постепенно Сергей заново научился жить, тем более его окружали такие же, потерявшие все люди. Жизнь в бункере со временем наладилась, запасов хватало на несколько лет, так что о голоде беспокоиться было преждевременно. Находясь в лесной глуши, бункер оказался отрезан от Москвы, но несложно было предположить, что вряд ли в городе уцелели многие. Да что там в городе – во всем мире, наверное, человечество изрядно поредело. Жизнь была непростой, на поверхности бушевала ядерная зима – высовывать нос наружу оказалось небезопасно даже в спецодежде, которой в бункере хватало. Вот и не высовывали уцелевшие носы из убежища, пока нужда не заставила.

Рано или поздно, но выйти наверх пришлось. А снаружи был уже совсем другой мир, эволюция сошла с ума, и каждая вылазка сопровождалась огромным риском. Тем не менее, Сергей старался как можно чаще выходить из бункера. Его пытались отговорить – врачи всегда были в почете – но не смогли.

Что случилось дальше, Сергей вспоминал, как в кошмарных снах. Он бы предпочел навсегда избавиться от этих мыслей, вырезать их скальпелем, но это было выше его сил. Воспоминания каждый раз причиняли ему страдания. Свидетелей тому, что приключилось с Сергеем, не осталось. Все жители бункера погибли от напасти, объяснения которой не нашлось.

Какое-то время врач жил один в бункере, а затем решил отправиться в последний путь наверх. Удивительным образом судьба пощадила его снова, предоставив еще один шанс. Поплутав по Царицынскому парку, он вдоль железной дороги добрался до района Люблино, где его подобрал отряд сталкеров. Две недели покоя и лечение пошли на пользу организму. К своему глубокому удивлению, он все-таки пришел в себя, боль спряталась внутри, превратилась в постоянное ноющее чувство, терзающее тело и душу, но позволяющее жить. Находиться среди людей с того момента стало для Сергея тяжело, наедине с собой он чувствовал себя спокойнее. И поэтому он исчез со станции Печатники, едва поправившись.

Сергей некоторое время жил на заброшенной Зябликово, пока не пришло туда злосчастье в виде творений нового мира, странных существ, похожих на летучих мышей, только в три раза больше. Летуны, а так прозвали их сталкеры с Печатников, которые пробовали огнем вывести ужасных созданий, высасывали из жертв кровь – всю до последней капли, оставляя после себя бледные, выбеленные тела несчастных. Рейды печатниковцев большого успеха не принесли, да и не было смысла бороться за станции, которые были отрезаны от Конфедерации затопленными Братиславской, Марьино и Борисово. Конечно, популяция летунов заметно сократилась, но их способность прятаться в вентиляционных шахтах, ответвлениях, многочисленных проходах и щелях позволила им выжить.

В любом случае Сергею пришлось искать другое место. Большого выбора у него не было: обжитых станций он сторонился, выше по ветке – Борисово, сырая, безлюдная, подтопленная станция. Оставалось два варианта – либо на поверхность, либо на соседнюю ветку. Боковое ответвление за станцией Зябликово в обратном тупике вывело его к туннелю, ведущему на

Алма-Атинскую, где он и поселился – в сбойке, ведущей к вентиляционной шахте. Недалеко отсюда, на поверхности, находилась та самая больница, в которой Сергей работал врачом до Катастрофы, – клиническая больница № 83 со складом медикаментов в подвале. По ответвлениям и коммуникациям Сергей пробирался в этот подвал, откуда таскал антибиотики. За лечение больных ему стали приносить все необходимое. Тем и жил.

И вот сейчас у Сергея возникло стойкое чувство, что визит неожиданных гостей изменит его жизнь. В какую сторону – он не мог предположить. Но ощущение чего-то неизбежного закралось в душу. Сомнений быть не могло – те двое направлялись к нему.

Может, затаиться, и они пройдут мимо, не заметят? К чему лишние неприятности, да и кому взбредет в голову идти к Алма-Атинской? Пожизниться там абсолютно нечем, кроме того, жить на этой станции тоже не представляется возможным. Об этом знали на соседних станциях, поэтому вдвойне странно, что кто-то пожаловал в гости. Сергей прислушался к внутреннему голосу, не зная, как поступить – выдать себя или спрятаться от путников. И пока он раздумывал, до его слуха донеслись хлопки выстрелов и отборная ругань. Тут же послышался приближающийся топот чьих-то ног, и, осторожно выглянув из укрытия, Сергей увидел человека с факелом, бегущего первым, за руку он тащил второго, поменьше ростом. Вглядевшись внимательнее, он понял причину столь поспешного передвижения: чуть поодаль, настигая незнакомцев, скакал голиаф, похожий на исполинскую лягушку. Он отталкивался от стен и пола и издавал отвратительные утробные звуки. Первый мужчина несколько раз обернулся и выстрелил из «калаша», но пули не причиняли особого вреда голиафу. «В туннеле у них нет шансов», – промелькнуло в голове Сергея. Пока он раздумывал, бегущие практически поравнялись с туннельной сбойкой, где обитал отшельник.

– Сюда, поворачивайте сюда! – выкрикнул он, высунувшись из своего укрытия и махнув рукой.

Секундное замешательство – и путники последовали совету Сергея, бросившись к спасительной сбойке. Пропустив их, отшельник захлопнул зарешеченную дверь прямо перед носом разбушевавшегося голиафа. Тварь навалилась на выглядевшую ненадежно конструкцию, решетка противно заскрипела, но выдержала напор.

Сергей вгляделся в голиафа, отметив про себя, что он слеп, и указал на горящий огонь в руке Немова:

– Его тепло и звук привлекают. Давайте отойдем дальше.

Сталкер, бросив подозрительный взгляд на дозиметр, охотно кивнул.

– Немов! – воскликнул Сергей, брови которого поползли вверх от удивления, когда он разглядел лицо сталкера. – Тебя как сюда занесло?

Они отошли дальше от проема, завернули за угол, к лестнице, ведущей наверх к вентиляционной шахте, чтобы не быть на виду у бесноватившейся твари – та, надо сказать, успокоилась, поняв тщетность своих попыток проникнуть через решетку и, видимо, потеряв след беглецов (слава богу, создание не отличалось развитым обонянием), но уходить пока не собиралась.

– Вильдер, – расплылся в улыбке сталкер и крепко обнял отшельника, – тебя-то я и ищу.

Вторым в паре оказался молодой парень лет восемнадцати на вид. Сергей взглянул на него с интересом. Что же может быть общего у двух столь разных на вид людей, стоящих сейчас перед ним? Все это выглядело даже немного комично. Врач протянул руку для рукопожатия и коротко представился.

– Сергей, – и тихонько хохотнул, совсем не к месту.

Миша с удивлением и беспокойством вглядывался в лицо отшельника. Он даже немного испугался цепкой хватки странного мужчины. Что-то в этом человеке не давало покоя парню. Немов говорил о странностях отшельника, которого они искали. Быть может, он от одиночества свихнулся, кто его знает, как же он тогда сможет провести их по поверхности к войско-

вой части? Увидев бледного врача, Миша засомневался в его способности здраво рассуждать и вопросительно взглянул на Немова. На что тот лишь неопределенно пожал плечами.

– Серега, ты что, от одиночества совсем тронулся?

* * *

Миша привалился к стене, изучая отшельника. Тот был облачен в лохмотья, некогда бывшие одеждой, но давно потерявшие как свой вид, так и форму, изорванные и выцветшие. Был он абсолютно лыс, бледная кожа сморщилась, одряблела, щеки впали, слезящиеся глаза смотрели внимательно, и вместе с тем в них застыла физическая и душевная боль.

– На вот, выпей, – Немов протянул Сергею небольшую фляжку с жидкостью. – Ты, наверное, уже забыл вкус настоящего напитка.

Сергей припал губами к фляжке. Горло обожгла терпкая жидкость. Он закашлялся, по телу разлилось тепло от глотка давно забытого самогона, который немного привел в чувство отшельника.

– Зачем меня искали? – спросил он, переводя взгляд с Миши на Немова и обратно.

– Помощь нужна, – буркнул Немов, с тревогой осматривая слабого, изможденного человека.

И Сергей почему-то знал, что окажет им посильную помощь, сделает все, что от него зависит.

После самогона и сухого пайка, взятого Немовым в дорогу и по-братски разделенного между троими, все почувствовали себя немного лучше.

Задумавшись, Немов не заметил, как отшельник повторил свой вопрос, адресованный ему:

– Так что за помощь от меня требуется?

Пришлось повторять еще раз, громче.

– Помощь? – Олег не сразу сообразил, что от него хотят, растерянно оглядел присутствующих и только потом, тряхнув головой и отгоняя нелегкие мысли, спросил:

– Будешь нашим проводником?

* * *

Слабый костерок с трудом освещал помещение вентиляционной шахты, вверх уходила лестница, теряясь высоко во мраке. Наступала ночь. Миша и не заметил, как быстро пролетело время, ожидание в сбойке вентиляционной шахты прошло незаметно.

Немов и Сергей под предлогом проверки, убрался ли восwoяси голиаф, отошли ко входу в сбойку, прикрытому решеткой. На самом деле они сейчас что-то оживленно и горячо обсуждали, но было сложно разобрать слова. Мише было ужас как любопытно, что за дела обсуждают сейчас отшельник и сталкер. Сделав вид, что осматривает помещение, Миша тихонько приблизился к говорившим – шаг, другой, и еще один... Напряг до невозможности слух, замерев и задержав дыхание, стараясь не шуметь. Сергей негромко выражал справедливые сомнения по поводу предстоящего мероприятия.

– Неужели ты думаешь, что я бы потащился туда, стал бы рисковать бездумно людьми, если бы не было ни малейшего шанса? Ты забываешь, кто я, – возражал Немов и для пущей убедительности погрозил пальцем Сергею.

– Ты не представляешь, насколько это опасно.

– Конечно, куда уж лучше торчать под землей, загигаясь от голода и прочей хрени, и ничего не предпринимать.

С минуту Сергей молчал, пытаясь подобрать доводы, затем устало махнул рукой:

– Ладно, но я предупреждал.

Олег кивнул.

– Пойми, я там такого навиделся, не пожелаю никому. А уж чего только природа не породила, сполна отыгралась за безумства человеческие. Как знать, может, место всем нам уже давно в музее, а мы все за край обрыва цепляемся и руки разжать боимся, – философски закончил тираду отшельник.

– Да пошел ты со своими присказками, – беззлобно ответил Немов и облокотился на стену, – и так жить тошно. Не могу я, Серега, на жопе ровно сидеть. Вдруг это шанс?

Миша еще некоторое время прислушивался к разговору стоящих поодаль мужчин, а затем решил, что настала пора обнаружить себя. Он шаркнул ногой и нарочито громко кашлянул.

Отшельник и сталкер разом вздрогнули и повернулись на звук.

– Шпионишь? – улыбнулся Немов и сверился с часами на руке. – Поздно уже, надо отдохнуть, а с утра выдвигаемся.

Он вопросительно уставился на Сергея, и тот кивнул.

* * *

Миша уснул на удивление быстро. Усталость навалилась разом, словно тяжелая наковальня на плечи. В последнее время ему часто снились разные яркие сны. Этот раз тоже не стал исключением. Единственное, что отличалось – сейчас он даже во сне ясно понимал, что все это ему лишь снится.

Он вместе с Сергеем и Олегом оказался на заброшенной станции Алма-Атинская. В свете факела было сложно разглядеть, что она собой представляет. От нее веяло пустынным, даже каким-то могильным холодом. На гранитных плитах пола лежал толстый слой пыли, было видно, что станция никем не используется. По крайней мере, следов ног видно не было. Все, что удалось разглядеть Мише – своды станции в форме полукруга. Посреди платформы стояли непонятные железные конструкции – то ли призванные поддерживать свод, то ли просто для красоты. Сохранились даже скамейки, как и пол, укутанные пылью. Платформа и пути были пусты. В дальнем от путников конце станции чернел провал в потолке. Часть свода обвалилась, причем довольно удачно – взобраться по кускам арматуры и бетонным осколкам на поверхность не составляло большого труда. Станция Алма-Атинская была заложена на небольшой глубине.

Дойдя до провала, группа остановилась, оценивая возможный путь наверх. Немов лично проверил, не обвалятся ли под путниками просевшие плиты. Затем похлопал по плечу Мишу и Сергея, как бы говоря: «Будьте осторожны». Первым полез отшельник. Было видно, как тяжело ему дается восхождение. Он несколько раз замирал, переводя дух, но ни разу не оглянулся назад. Миша смотрел на удаляющуюся спину Сергея и пытался вспомнить, когда же он успел согласиться на эту авантюру – памятен был еще прошлый выход на поверхность. Что им вообще там делать и куда они карабкаются сейчас? Ну, если Немов не задавал вопросов, то почему бы не довериться и ему. И Миша начал свой путь наверх. Немов остался дожидаться их на станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.